

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 1 / 2017

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кулафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;
Бабич И.Л., д.и.н.;
Мельников С.А., д.ю.н.;
Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;
Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;
Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;
Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;
Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;
Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;
Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;
Зенин С.С., к.ю.н.;
Клименко А.И., д.ю.н., доцент;
Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;
Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,
Белых В.С.,
Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Следствие и суд: взаимодействие институтов

- Власенко В.В.** Институт имущественного возмещения преступных последствий в русском уголовном праве X — начала XX века: возникновение, развитие и трансформация из наказания в основание освобождения от уголовной ответственности..... 3
- Верещагина А.В.** Гласность судопроизводства: дореволюционная нормативная модель и ее коррективы9
- Брылева Е.А.** О некоторых аспектах деятельности благотворительно-тюремных обществ Российской империи..... 13
- Попов И.А., Рязанцев В.А.** Советские органы предварительного следствия в период 1924–1941 гг. 17
- Маликов С.В.** «Срочность» наказаний как предпосылка возникновения уголовно-правового испытания 22
- Соловьев С.А.** Ретроспективный анализ элементов процессуального механизма благоприятствования защите («favor defensionis») в период формирования и укрепления русского централизованного государства.... 29
- Правовые доктрины и правовая практика: опыт истории**
- Космовская А.А.** Оппортунистическое поведение представителей аппарата управления в XVII в.: следование закону или личный интерес? 34
- Зайкова С.Н.** История ценового права России (1965–2016 гг.) 40
- Ельчанинова О.Ю., Никитин А.М.** Презумпция невиновности в российской правовой традиции: от доктринального понимания к опыту нормативного закрепления..... 45
- Вишневский А.А.** Модели брака в библейских правовых традициях: различие нормативного выражения при сходстве ценностей..... 50
- Васильев И.В.** Источники изменения права современного гражданского общества 55
- Аронов Д.В., Кошелева С.В., Леонова И.А., Шенарнева А.И.** Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законоотворчестве начала XX века..... 60

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 (многоканальный).
Формат 170x252 мм. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.
Номер подписан в печать 05.12.2016
Номер вышел в свет 02.02.2017
Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Роспечать — 47643;
Каталог российской прессы — 10866;
Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).
Также можно подписаться на www.gazety.ru
Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 1 / 2017

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Investigation and Trial: Interaction of Institutions

- Vlasenko V.V.** Property Compensation for Criminal Damages under the Russian Criminal Law in the X – Early XX Centuries: Origin, Evolution and Transformation from Punishment into the Grounds for Exemption from Criminal Liability 3
- Vereshchagina A.V.** Publicity of Proceedings: Pre-Revolutionary Regulatory Model and its Adjustments 9
- Bryleva E.A.** Some Aspects of Activities of Prison Charity in the Russian Empire..... 13
- Popov I.A., Ryazantsev V.A.** Soviet Preliminary Investigation Authorities in 1924–1941..... 17
- Malikov S.V.** "Urgency" of Punishment as a Prerequisite for the Criminal Legal Trial 22
- Solovyov S.A.** Retrospective Analysis of the Elements of Favor Defensionis during the Formation and Strengthening of the Russian Centralized State..... 29

Legal Doctrines and Jurisprudence: Historical Experience

- Kosmovskaya A.A.** Opportunist Behavior of Administrative Staff in the XVII Century: Adherence to the Law or Personal Interest..... 34
- Zaykova S.N.** History of the Pricing Law in Russia (1965–2016) 40
- Elchaninova O.Yu., Nikitin A.M.** Presumption of Innocence in the Russian Legal Tradition: from the Doctrinal Awareness to the Consolidation Practice..... 45
- Vishnevsky A.A.** Models of Marriage in the Biblical Legal Traditions: Difference in Regulatory Expressions under the Similarity of Values 50
- Vasiliev I.V.** Sources of Law Revision in the Modern Civil Society..... 55
- Aronov D.V., Kosheleva S.V., Leonova I.A., Sheparneva A.I.** Draft of the Basic Law of the Russian Empire of the Kharkov Law Society — Place and Role in the Liberal Constitutional Lawmaking in the Early XX Century..... 60

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 05.12.2016
Issue was published 02.02.2017

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Институт имущественного возмещения преступных последствий в русском уголовном праве X – начала XX века: возникновение, развитие и трансформация из наказания в основание освобождения от уголовной ответственности

*Власенко Владислав Владимирович,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук
VladVV26@mail.ru*

В статье автором проводится исторический анализ отечественного уголовного законодательства периода X – начала XX века, регламентировавшего имущественное возмещение преступных последствий.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности и (или) наказания, судебный штраф, возмещение ущерба, денежное возмещение, вира, продажа, урок.

Property Compensation for Criminal Damages under the Russian Criminal Law in the X – Early XX Centuries: Origin, Evolution and Transformation from Punishment into the Grounds for Exemption from Criminal Liability

*Vlasenko Vladislav V.,
Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

In this article the author conducted a historical analysis of the national criminal legislation period of X – the early XX century, to regulate the property consequences of criminal compensation.

Key words: exemption from criminal liability and (or) penalties, court fines, restitution, financial compensation, Veera, sale, lesson.

В древности у всех существовавших народов преступление понималось как нарушение определенной истины (жизнь, имущество и т.п.), дарованной сверхъестественными силами (природой, богами и т.д.), за которое возникало состояние необходимой мести, основанной на чувстве восстановления истины, справедливости. Отступление от такого мщения, совершение которого становилось обязанностью обиженного, являлось таким же нарушением истины, за которое лицо подвергалось «гневу Небесному и сраму земному». Это положение можно охарактеризовать как обычай «частной мести», субъектом которой является индивид или сообщество (община, род, племя и т.д.), претерпевшие определенное негативное воздействие в результате деяний других лиц или сообществ. Как пишет дореволюционный российский правовед Ф. Депп, в дальнейшем при появлении осед-

лости у народов, развитии земледелия, скотоводства, различных ремесел, а также развитию культуры и религии появляется обычай, по которому можно «выкупать у обиженного свою вину», в силу бессмысленности мщения и экономической обоснованности выкупа¹. С появлением же государственности этот обычай подкрепляется устным или письменным обычным правом государя (князя, царя, владыки и т.д.), имеющим силу принуждения. Еще Талмуд, являющийся одним из самых первых сводов законов Древнего Востока, решительно отошел от применения так называемого принципа Талиона («око за око, зуб за зуб») и ввел достаточно разработанную и разветвленную систему имущественных санкций за совершение тех или иных пре-

¹ См.: Депп Ф. О наказанияхъ, существовавшихъ въ Россіи до Царя Алексѣя Михайловича. Санкт-Петербургъ : Типографія Карла Крайя, 1849. С. 7.

ступлений. Причем имущественные санкции были самым распространенным видом наказаний по Талмуду. Они устанавливались кратным размером стоимости похищенного или уничтоженного имущества и включали в себя как возмещение вреда собственнику или иному владельцу, так и штраф, выплачиваемый в доход казне. Низшим размером наказания была двойная стоимость имущества, высшим — пятикратная².

Первыми отечественными письменными юридическими источниками, содержащими нормы уголовно-правового характера, являются русско-византийские договоры, и прежде всего договоры Олега 911 г. и Игоря 944 (945) г.³ В приведенных источниках главным видом уголовных наказаний являлось материальное, имущественное возмещение потерпевшему или его родственникам вреда, причиненного совершенным преступлением. Так, по договору Олега 911 г. за убийство лица убийца подлежал смерти прямо на месте совершения преступления, если же убийца сбежит, то все имеющееся у него имущество (если, конечно, оно имелось) переходит родственникам или жене пострадавшего. За совершение кражи вор, пытавшийся скрыться с места совершения деяния, может быть убит, а вор, отдавшийся без сопротивления в руки потерпевшего, должен был возместить похищенную вещь в тройном размере ее стоимости⁴. Аналогичная мера была предусмотрена и за насильственное завладение чужим имуществом. Русско-византийский договор 944 г., заключенный Игорем, предусматривал менее строгие наказания для лица, совершившего преступление, по сравнению с договором 911 г. Так, лицо, совершившее грабеж, должно было выплатить двойную стоимость похищенной вещи, а не тройную, как ранее. Главной целью наказания было имущественное возмещение ущерба (вреда), причиненного потерпевшему.

Первым и основным правовым памятником Древней Руси стал свод обычаев Русская

Правда Ярослава Мудрого, включавший в себя нормы различных отраслей права, в том числе и уголовного. Под преступлением понималась «обида», причиненная потерпевшему в виде вреда физического или психического. Основными видами наказания являлись имущественные, к которым, в частности, относятся следующие: «вира» (денежное взыскание в пользу княжьей казны за совершенное убийство⁵), параллельно с которой выплачивалось «головничество» (денежная выплата в пользу родственников потерпевшего), «поток и разграбление» (конфискация всего имущества и продажа в холопы), «продажа» (денежный штраф, назначаемые за большинство преступлений). В дальнейшем «головничество» не выплачивалось, а из полученной «виры» князь выделял соответствующую сумму, направляемую в дальнейшем потерпевшей стороне в качестве возмещения. Размер «продажи» дифференцировался в зависимости от размера причиненного преступлением вреда и тяжести совершенного преступления. «Продажа» поступала в казну князя, а потерпевший, в свою очередь, получал денежное возмещение за причиненный ему ущерб, которое называлось «урок»⁶. «Продажа» могла представлять собой и добровольный возврат потерпевшему вещи, похищенной при совершении кражи, однако в данном случае необходимо было согласие потерпевшего⁷.

В связи с участвовавшими разбоями и убийствами «вира» как наказание была отменена, и за совершение убийства стала назначаться смертная казнь. В дальнейшем попытка стремительного перехода к принципам византийского наказания потерпела крах, в связи с тем, что денежные суммы, поступающие в казну по выплатам «виры» и «продажи», являлись одним из основных источников формирования казны государства и, собственно, обеспечивали функционирование государственного механизма⁸. Как видно,

² См.: Казанник А.И. Наказания по Вавилонскому Талмуду. Омский государственный университет // Вестник Омского университета. Омск, 1999. Вып. 2. С. 156–158.

³ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 112–113.

⁴ См.: Обзор истории русского права проф. М.Ф. Владимирского-Буданова. Издание третье с дополнениями. Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина. С.-Петербург, 1900. С. 98.

⁵ См.: История государства и права России : учебник для вузов / под ред. С.А. Чибиряева. М. : Былина, 1998. С. 31.

⁶ См.: Исаев И.А. История государства и права России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. С. 48.

⁷ См.: Свердлов М.Б. От закона Русского к Русской правде. М. : Юридическая литература, 1988. С. 123–124.

⁸ См.: Магомедов А.А. Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых

в Русской правде (по сравнению с русско-византийскими договорами) помимо основной цели наказания — имущественное возмещение материальных и моральных страданий потерпевшей стороне, появляется и другая, а именно пополнение казны государства за счет соответствующих выплат виновных лиц (фискальная цель).

Появившиеся в дальнейшем другие источники, содержащие нормы уголовного права, такие как Двинская уставная грамота 1398 г. великого князя Василия Дмитриевича, Псковская и Новгородская судные грамоты XIII–XIV вв., лишь продолжали развивать положения Русской правды, основываясь на ее фундаментальных началах и положениях, не внося каких-либо существенных изменений. В последующих уголовно-правовых источниках, и прежде всего в Судебнике Ивана III 1497 г., отчетливо наметилась тенденция к изменению целей наказания, в связи с ростом корыстно-насильственной преступности, появлением преступлений, затрагивающих интересы государства, церкви, а также с рецепцией положений Романо-византийского и Германского права⁹. Наказание становится инструментом устрашения преступников и окружающего населения, инструментом демонстрации власти московского князя. В связи с этим среди видов наказания основными стали те, которые причиняли лицу физические страдания и мучения, а имущественные, в свою очередь, начали выступать в качестве дополнительных, сопутствующих наказаний. Однако практика применения исключительно «денежных» наказаний сохранилась за совершение незначительных преступлений против собственности и преступлений в сфере хозяйствования, что было обусловлено нуждами казны и защитой интересов потерпевших.

Одной из новых черт рассматриваемого законодательства было то, что впервые появился «ускоренный (усеченный) уголовный процесс», позволявший освобождать лицо от уголовной ответственности, в ходе которого на любой его стадии стороны могли заявить о примирении, если обвиняемая сторона выплатит пострадавшей денежное возмещение, а суду (судебному приставу) — соответствующую

денежную пошлину («хоженое», «езд»). К примеру, такая процедура применялась по делам о «бое» (нанесение побоев) и «займе» (невыплата долга)¹⁰. Существование такой разновидности уголовного процесса было в интересах как сторон обвиняемой и потерпевшей, так и в интересах самого государства, получавшего немалый доход от выплаты пошлин. Все ранее рассмотренное законодательство не предусматривало какой-либо возможности освобождения от уголовной ответственности (в том числе и от наказания) в связи с совершением определенных денежных выплат как потерпевшему, так и какому-либо государственному органу. Все выплаты ранее носили обязательный характер и реализовывались исключительно в рамках конкретного вида наказания. Поэтому Судебник 1497 г. можно назвать первым источником отечественного уголовного права, содержащим нормы, освобождающие от уголовной ответственности в связи с выплатой денежного возмещения потерпевшему (при наличии его согласия) и выплат соответствующих денежных сумм государству как субъекту правосудия. Появление рассматриваемого правового памятника было ознаменовано началом процесса трансформации института имущественного назначения из наказания в основание освобождения от уголовной ответственности.

В прежнем виде имущественные санкции сохранились и в Судебнике Ивана Грозного 1550 г., который вводил денежные штрафы, именуемые «пеня». Они взыскиваются с должностных лиц за лихоимство — втрое против взятого, и за нанесение бесчестия обвиняемому, за что «пеня» назначалась по указанию государя. Одновременно с выплатой «продажи» и «пени» виновный уплачивал денежное вознаграждение в пользу потерпевшего¹¹.

Аналогично можно высказаться и об Уложении Царя Алексея Михайловича Романова 1649 г., за исключением лишь того, что в нем значительно были сужены интересы потерпевшего, который получал денежное возмещение лишь в случае совершения в отношении него преступлений против собственности.

воззрений и современность : дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Магомедов. М., 1998. С. 29.

⁹ См.: Загоскин Н.П. История права Московского государства. Казань, 1877. С. 87.

¹⁰ См.: Арсентьева Ю.В. Освобождение от уголовной ответственности по законодательству России до Уложения 1903 года // Российский следователь. 2006. № 2. СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Липатов Д.В. Указ. раб.

После прихода к власти Петра I началось бурное развитие, реформирование всех сфер общественной жизни и прежде всего армии, флота, производственной и добывающей сферы, что, соответственно, требовало значительных денежных средств, коих не имелось у государства в должном количестве. Такое положение и обусловило увеличение количества денежных санкций, предусмотренных за совершение преступлений, по сравнению с иными видами санкций. В таких исторических условиях впервые в уголовном законодательстве России появляется некий исторический прообраз ныне существующего освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). Так, по Указу Петра I от 17 сентября 1680 г., лицо, совершившее порчу межей и граней, добровольно уплатившее в казну денежный штраф, определяемый судом, не подвергается «битью кнутом», как по ранее действующему положению Уложения 1649 г.¹² Абсолютно ясна цель появления такой нормы — это желание обеспечить доход казне. Иначе чем объяснить то обстоятельство, что при Петре I произошло сильное ужесточение наказаний (в том числе телесных), увеличение количества преступлений, за которые предусмотрена смертная казнь, а за совершение преступлений экономической направленности появляется возможность освобождения от уголовно-правовых последствий.

Стоит отметить также общую тенденцию снижения тяжести наказаний за совершение имущественных и экономических преступлений, начавшуюся в конце XVII — начале XVIII века. Так, по Указу Елизаветы от 29 июля 1752 г. за уклонения от уплаты обязательной государственной пошлины было предусмотрено наказание в виде взыскания двойного размера неуплаченных пошлин¹³. В данном случае уголовное наказание носило исключительно финансовый характер, и основной его целью является возмещение недополученных сумм в государственную казну. По указанному поводу верно высказывается А. Лохвицкий: «Гражданин в этом случае должник государства, и оно вправе употребить против него все те меры, на которые закон уполномочивает кредитора»¹⁴.

Такое изменение характера уголовной политики в отношении преступлений экономической направленности, помимо заинтересованности казны, можно также объяснить проникновением идей европейского просвещения в Россию.

С появлением Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. добровольное возмещение причиненного вреда потерпевшей стороне (в том числе и государству) при совершении преступлений имущественного и экономического характера (ст. 319–324, 402), рассматривалось как обстоятельство, уменьшающее вину и наказание¹⁵. Так, к примеру, пишет И.Я. Фойницкий: «Если лицо виновно в присвоении и растрате чужого движимого имущества, вверенного виновному для сохранения, перевозки, переноски или определенного употребления, учинило его по легкомыслию, если притом виновный добровольно обязался вознаградить потерпевшего, то наказывается оно арестом вместо тюрьмы»¹⁶.

Качественным скачком в трансформации института имущественного возмещения стало появление (в связи с проводимой судебной реформой Александра II) Закона об охране частных лесов от 1867 г. (с дополнениями от 21 марта 1888 г.), по которому «обвиняемому в таком совершенном в казенном или частном лесу проступке, за который он может подлежать только денежному взысканию, предоставляется прекратить производство дела, внести причитающееся с него денежное взыскание в высшем его размере, определенном в законе, а также следующую лесовладельцу сумму, и возвратив ему похищенный или самовольно срубленный лес или стоимость оно»¹⁷. Кроме того, также необходимо было согласие на прекращение уголовного преследование самого потерпевшего, т.е. лесовладельца. В приведенной норме об освобождении от уголовной ответственности равным образом предусмотрена защита как

¹² Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. / отв. ред. д.ю.н., проф. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1992. С. 213.

¹³ См.: Ташкинов А. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов в дореволюционной России // Законность. 2005. № 8. С. 53–56.

¹⁴ Лохвицкий А. Курсь русскаго уголовного права. С.-Петербург: Издание Журнала Министерства Юстиции, 1867. С. 422.

¹⁵ См.: Лохвицкий А. Указ. раб. С. 129.

¹⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная: Посвяательства личные и имущественные. СПб., 1901. С. 287.

¹⁷ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Издание второе, пересмотренное и дополненное. Часть общая. Томъ II. С.-Петербург, 1902. С. 1408.

интересов потерпевшего, так и интересов государства — субъекта юстиции. Потерпевший получал свой незаконно срубленный лес и возмещение в виде наибольшего размера денежной пени, предусмотренной за совершение такого преступления, а государство — только соответствующий размер денежной пени, что благотворно влияло на состояние его казны. В данном аспекте необходимо отметить, что в те времена «лес» понимался как благо сугубо экономическое, а не экологическое, как в настоящее время. В дальнейшем эта же норма была продублирована в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. Аналогичная норма появилась и в ст. 691 Лесного устава, принятого в 1893 г.

Подобные правила освобождения от уголовной ответственности появились в 1889 г. и за совершение «нарушений Уставов казенных управлений»¹⁸. Так, статья 11252 Устава уголовного судопроизводства, со ссылкой на упомянутый ранее устав, предусматривает, что «по делам о нарушениях постановлений об акцизных сборах с сахара, осветительных нефтяных масел и спичек, влекущим за собою одни лишь денежные взыскания, с конфискацией или без оной, суд может прекратить судебное производство, если лицо добровольно уплатит наложенное на него управляющим акцизными сборами взыскание»¹⁹. Подобные положения об освобождении от уголовной ответственности к концу XIX века появились и за совершение «нарушений Устава паспортного и Устава путей сообщения», о чем сказано в Правилах о производстве судебных дел у земских начальников 1889 г.²⁰

Как видно из приведенных примеров, нормы, содержащие правило, согласно которому «уголовное преследование за проступки, влекущие лишь денежное взыскание, не возбуждается, а начатое подлежит прекращению в случае внесения сего взыскания в высшем размере и удовлетворения вознаграждения за вред и убытки»²¹, содержатся в уголовно-процессуальных источниках, к которым, в частности, относятся Устав уголовного судопроизводства 1864 г., а также Правила о про-

изводстве судебных дел у земских начальников 1889 г. Возможно, именно по этой причине при разработке нового Уголовного уложения 1903 и соответствующего Устава уголовного судопроизводства было принято решение о помещении приведенной выше нормы именно в Устав, а не в Уложение, что сделало это правило, устанавливающее основание прекращения уголовного преследования, исключительно процессуальным по своей правовой природе. Однако необходимо сказать, что такие члены редакционной комиссии, разрабатывавшей Уголовное уложение, как Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и Н.А. Неклюдов, предлагали внесение соответствующей нормы именно в материальный источник, т.е. Уголовное уложение, по примеру Голландии и Италии, где подобные положения об освобождении от уголовной ответственности были предусмотрены в уголовном кодексе.

Как наука, так и практика того периода положительно оценила существование такого вида освобождения от уголовной ответственности, при котором происходила добровольная выплата денежной пени и соответствующего возмещения потерпевшему, если таковой имелся. Так, А.С. Белогриц-Котляревский по данному поводу высказывался следующим образом: «это правило, распространенное итальянским и голландским кодексами на все проступки, обложенные денежными взысканиями, совершенно целесообразно, так как добровольная уплата пени виновным в высшем ее размере равносильна сознанию им своей вины и добровольному подчинению следуемому наказанию, почему производство представляется безцельным»²².

После падения династии Романовых, а затем и Временного Правительства А.Ф. Керенского, к власти в России во главе с В.И. Лениным пришли большевики, привнеся коммунистическую (марксистскую) идеологию, строящуюся на классовом подходе, во все сферы общественно-политической жизни. Не стало исключением и уголовное законодательство того периода, и это прослеживается в первых уголовно-правовых источниках. Так, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, изданных 12 декабря 1919 г. Наркоматом юстиции РСФСР, было указано, что при назначении наказания суд первостепенное значение уделял личности виновного, его

¹⁸ Белогриц-Котляревский А.С. Учебник русского уголовного права: Общая и особенная части. Киев : Южно-рус. кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. С. 334.

¹⁹ См.: Белогриц-Котляревский А.С. Указ. раб. С. 334.

²⁰ См.: Там же. С. 334.

²¹ См.: Таганцев Н.С. Указ. раб. С. 1409.

²² См.: Белогриц-Котляревский А.С. Указ. раб. С. 334.

социальному положению, степени осознания им своего деяния, не учитывая при этом условия и обстоятельства совершенного преступления, а также характер посткриминального поведения виновного²³. В таких условиях не могло быть и речи об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, наоборот, уголовно-правовые санкции существенно ужесточились.

Современный период развития уголовного права ознаменован возвращением к историческому опыту. И ярким тому под-

тверждением являются нормы, предусмотренные ст. ст. 76.1 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности) и 76.2 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа), сущность которых заключается в устранении преступных последствий (возмещение ущерба, заглаживание причиненного вреда иным образом и т.п.), а также отчисление определенных денежных средств в пользу бюджета государства (судебный штраф, денежное возмещение и т.д.).

²³ См.: СУ РСФСР. 1919. № 66.

Литература

1. Белогриц-Котляревский А.С. Учебник русского уголовного права: Общая и особенная части. Киев : Южно-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1903.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.
3. Депп Ф. О наказаниях, существовавших в России до Царя Алексея Михайловича. Санктпетербург : Типография Карла Крайя, 1849.
4. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Казань, 1877.
5. Исаев И.А. История государства и права России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004.
6. Казанник А.И. Наказания по Вавилонскому Талмуду. Омский государственный университет // Вестник Омского университета. Омск, 1999. Вып. 2. С. 156–158.
7. Липатов Д.В. Генезис наказаний, ограничивающих имущественные права осужденного // Российский следователь. 2006. № 5. С. 52–55.
8. Лохвицкий А. Курсь русскаго уголовного права. С.-Петербург : Издание Журнала Министерства Юстиции, 1867.
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Издание второе, пересмотренное и дополненное. Часть общая. Томъ II. С.-Петербургъ, 1902.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная: Посягательства личные и имущественные. СПб., 1901.

Гласность судопроизводства: дореволюционная нормативная модель и ее коррективы*

*Верещагина Алла Васильевна,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Института права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса,
кандидат юридических наук, доцент
vereschagina_alla@mail.ru*

Гласность — бесспорная характеристика действительно демократического процесса. В российском уголовном процессе институт появился в результате судебной реформы 1864 года. В статье излагаются содержание нормативной модели принципа гласности в Судебных уставах 1864 года и коррективы, привнесенные в регламентацию пореформенным законодательством. Исследователь отмечает судоустройственное и уголовно-процессуальное значение гласности. С точки зрения судоустройственной компоненты, гласность является гарантией независимости судей при принятии решений. Это обстоятельство обусловило трансформацию института, которая осуществлялась двумя способами: посредством чрезвычайного и специального законодательства. В рамках чрезвычайного законодательства ограничение принципа гласности обеспечивалось свободой определения подсудности. Специальное законодательство увеличило количество оснований закрытия процесса и предоставило право его закрытия Министру юстиции. Автор пришел к выводу об охранительной направленности изменений принципа гласности.

Ключевые слова: история, дореволюционное российское право, судебная реформа, уголовный процесс, Судебные уставы, пореформенное законодательство, принцип гласности.

Publicity of Proceedings: Pre-Revolutionary Regulatory Model and its Adjustments

*Vereshchagina Alla V.,
Head of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the Law Institute of the Vladivostok State University of Economics and Service,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The publicity is one of the democratic trial's basic principles. In Russian criminal proceedings this institute appeared as the result of the court reform of 1864. The publication is devoted to the pre-revolutionary normative model of the publicity's principle, declared in Judicial Charters of 1864, and its development in post-reform legislation. The researcher notes the organization and criminal proceedings meaning of the publicity principle. The organizational aspect of the publicity is the important guarantee of lawful judgments. This moment influenced on the institute's changing, that took place in two ways: through emergency laws and criminal procedure legislation. In emergency laws the publicity ignored the free alteration of the case's jurisdiction. In bounds of the criminal procedure law the legislator increased the number of reasoning of judgments in form of court in camera. Besides, Minister of Justice received the authority to accept the decision about the court in camera. Author comes to the conclusion that post-reform legislation worsened the principle's regulation, giving it the reactionary features.

Key words: history, pre-revolutionary Russian law, judicial reform, criminal procedure, Judicial Charters, post-reform legislation, principle of publicity.

* В тексте статьи используются следующие сокращения: ПСЗ I, II, III — Полное собрание законов Российской империи. Собрание I, II, III; УУС — Устав уголовного судопроизводства.

Посвященные принципу гласности работы в основном касаются различных аспектов современной регламентации¹. В имеющихся исторических исследованиях пореформенная деформация института практически не рассматривается².

Составители Судебных уставов были единокорны в понимании необходимости закрепления принципа гласности³. Проголосовавший за введение этого начала Государственный Совет констатировал, что гласность «... содействует к объяснению истины, ... ограждению подсудимых и ... побуждению самих судей к тщательному изучению дела и ... правосудному их решению, ... в пользу ее не может быть никакого сомнения»⁴.

Аксиоматичным для авторов Судебных уставов было также понимание не только процессуальной, но и судоустройственной сущности гласности. Это начало позволяет осуществлять социальный контроль за деятельностью судов и одновременно защищать судей от нападок по поводу принимаемых решений.

Пореформенная «судьба» института подтверждает важность его судоустройственного значения как гарантии независимости судей и подчинения их только закону при принятии решений. Именно этот момент оказался неприемлемым для власти и стал фокусом усилий по его корректировке. Отчасти верность данного суждения подтверждает

ся тем, что усиление охранительных начал и ущемление принципа гласности началось через законодательство, направленное на противодействие усиливавшемуся революционному движению и изменявшему подсудность дел о государственных преступлениях. Иными словами формально принцип гласности не корректировался, но существенно ограничивался посредством изменения процедур по расследованию и рассмотрению некоторых категорий дел.

Первоначальная редакция Судебных уставов содержала четыре исключения из начала гласности: 1) дела о половых преступлениях; 2) против веры; 3) о произнесении дерзких и оскорбительных слов против Государя Императора и Членов Императорского Дома; 4) если могли быть разглашены сведения об интимных сторонах жизни участников процесса или унижающие их честь и достоинство (ст. 620 УУС). В законе подчеркивалось, что «закрытие для публики дверей судебного заседания как мера чрезвычайная ... допускаемо только при явной в том необходимости, с точным указанием: какие именно действия должны происходить при закрытых дверях и по каким причинам» (ст. 621 УУС). Даже при закрытии дверей присутствия по желанию подсудимого и потерпевшего в судебном заседании могли находиться их родственники и знакомые, но не более трех человек от каждой стороны (ст. 622 УУС).

Приведенная регламентация — свидетельство того, что критерием ограничения открытости судебного заседания являлась защита частной жизни лица. Она не распространялась на государственные преступления (если к ним не относить оскорбление монарха и членов его семьи).

Такой подход оказался неудобен по двум причинам. Во-первых, судебные процессы представители революционного движения использовали как трибуну для пропаганды своих идей. Во-вторых, открытое судоворение затрудняло воздействие на судей с целью принятия желательного для власти решения по резонансным делам.

Поводом к внесению первых поправок в рассматриваемый институт послужило дело С.Г. Нечаева. По результатам процесса товарищ министра юстиции О.В. Эссен подготовил доклад «О существе приговора СПб судебной палаты о злоумышлении Нечаева и его сообщников, направленного на ниспроверже-

¹ Беседин А.В., Галузо В.Н. О реализации принципа гласности при осуществлении правосудия: на примере Липецкой области // Закон и право. 2010. № 8. С. 72–75; Газанфарли Х.А. Гласность судебного разбирательства как правовая гарантия в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2016. № 8. С. 129–131; Реховский А.Ф., Игнатенко С.В. О социальном аспекте реализации гласности в уголовном судопроизводстве // Академический юридический журнал. 2014. № 3. С. 42–47; и др.

² Вилкова Т.Ю. Принцип гласности в советском уголовном процессе в период действия УПК РСФСР 1923 года // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 103–110; Томин В.Т., Карпов Е.Н. Значение и обеспечение права граждан на присутствие в судебном заседании по уголовным делам // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3. С. 280–285; и др.

³ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. СПб. С. 102–124.

⁴ Дело о преобразовании судебной части в России. Проекты второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Т. XIX. СПб., 1862. С. 179–180.

ние установленного в Империи порядка правления». Ознакомившись с докладом, Император поручил министру юстиции К.И. Палену разработать меры «для предупреждения подобных неудовлетворительных приговоров». Одним из предложений стало расширение перечня оснований закрытия судебного заседания⁵. К имевшимся изъятиям добавили дела о государственных преступлениях, рассматривавшиеся в Особом Присутствии Правительствующего Сената. При этом дела «о произнесении дерзких и оскорбительных слов» против Императора и членов его семьи слушались только в закрытом присутствии. По другим государственным преступлениям решение о закрытом судоговорении и его объеме принималось по усмотрению суда (либо полностью до судебных прений, либо на время производства отдельных процессуальных действий) (ст. 27)⁶.

Власть не всегда пользовалась предоставленными ей возможностями, пытаясь исподволь манипулировать процессами для дискредитации революционного движения. Так, дело 193 (1877) формально рассматривалось в открытом судебном заседании, но в небольшом зале (естественное ограничение гласности⁷), в который допускалась «проверенная» публика по именным билетам, «разбавленная» агентами охраны⁸.

В дальнейшем ограничение гласности происходило двумя приемами: опосредованно через чрезвычайное законодательство рубежа 70–80-х годов XIX в. и начала XX в.⁹ и непосредственно принятием специального закона.

⁵ Верещагина А.В. Судоустройственное и уголовно-процессуальное законодательство России конца XIX — начала XX века: тенденции развития и идеи реформирования [текст] : монография. Владивосток, 2014. С. 27–28.

⁶ Новая редакция раздела второго книги третьей Устава Уголовного Судопроизводства, статей 1030–1061 о судопроизводстве по государственным преступлениям : Высочайше утвержденная новая редакция от 07.06.1872 // ПСЗ II. Т. XLVII. Отд. I. № 50956.

⁷ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 111.

⁸ Быстров А.Н. Гласность судебного рассмотрения и участие в нем профессиональных защитников как важнейшие характеристики уголовно-политических процессов, проводимых во второй половине XIX в. // Общество и право. 2010. № 1. С. 51–52.

⁹ О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени : Именной

1. В чрезвычайном законодательстве норм о гласности не было, однако закрепленная свобода определения подсудности дела де-факто ее ограничивала. Этими законами Министр внутренних дел, генерал-губернатор (губернатор) могли принять решение о передаче рассмотрения уголовного дела в военный суд, если его публичное рассмотрение могло повлиять на умонастроение и общественный порядок¹⁰. Иными словами, власть таким образом пыталась противодействовать распространению инакомыслия, на что откровенно указывалось в преамбулах некоторых актов¹¹.

Изложенный выше прием ущемления гласности дополнялся рекомендациями по содержанию публикаций о судебных процессах. Например, секретным циркуляром от 18.01.1879 Министр внутренних дел А.С. Маков известил губернаторов о воле Императора «... воспретить ... печатание самостоятельных стенографических отчетов по делам о государственных преступлениях...». Информация по ним могла публиковаться только в официальных изданиях (Правительственный вестник и губернские или областные ведомости) либо перепечатываться из этих источников¹². Печать не сразу подчинилась циркуляру. Поэтому в специальном отношении от 17.10.1879 к шефу жандармов А.Р. Дретельну означенный выше Министр обратил внимание на сохранившуюся практику опубли-

Его Императорского Величества указ, данный Правительствующему Сенату от 09.08.1878 // ПСЗ II. Т. LIII. Отд. II. № 58778 ; Об издании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявления некоторых местностей губерний Империи в состоянии усиленной охраны : Именной, данный Сенату Указ 04.09.1881 // ПСЗ III. Т. I. № 382 ; О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным нового Уголовного Уложения : Закон от 07.06.1904 // ПСЗ III. Т. XXIV. Отд. I. № 24732 ; О мерах к сокращению времени производства наиболее важных уголовных дел : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 18.03.1906 // ПСЗ III. Т. XXVI. Отд. I. № 27575 и др.

¹⁰ Ст. 4 Указа от 09.08.1878 ; ст. 17 от Положения от 04.09.1881. См. сноску 9.

¹¹ Подробнее об этом: Верещагина А.В. Способы ограничения самостоятельности судебной власти в дореволюционном законодательстве // Право и политика. 2014. № 7 (175). С. 1036 и след.

¹² Троицкий Н. Царские суды против революционной России. Саратов, 1976. С. 210.

кования подробных судебных отчетов. Он предложил обязать губернские власти ограничиться «печатанием в полном объеме лишь обвинительного акта и приговора», а исследование доказательств и речи сторон излагать «в самом сжатом виде»¹³. Согласованное мнение А.Р. Дрентельна и Л.С. Макова по телеграфу 20.10.1879 довели до сведения генерал-губернаторов. Только после этого газетные отчеты о политических процессах стали гораздо короче и тенденциознее. Впоследствии их вообще отменили.

2. Нарботанную практику обхода гласности судопроизводства дополнил закон от 12.02.1887¹⁴, коренным образом изменивший конструкцию института. Актом правом принятия решения о закрытии судебного заседания наравне с судом наделили Министра юстиции. Закрытие судебного заседания могло произойти по таким неопределенным основаниям как *опасение* оскорбить религиозные чувства, *нарушить* требования нравственности, *уронить* достоинство государственной власти, *отрицательно повлиять* на охрану общественного порядка или на производство судебных действий (ст. 620³ УУС). Суд мог удалить из зала судебного заседания некоторые категории лиц: малолетних, учащихся всех учебных заведений, несовершеннолетних и женщин, если этого требовали особенности рассматриваемого уголовного дела или отдельных судебных действий (ст. 620¹ УУС). Министр юстиции единолично оценивал основания и принимал решение о закрытии судебного заседания либо в полном объеме, либо для производства отдельных процессуальных действий. Решение главы ведомства для председателя суда было обязательным и не подлежало обжалованию. Кроме того, закон сохранил только одно исключительно гласное процессуальное действие — оглашение приговора. Фактически закрепление приведенных выше основа-

ний позволяло рассмотреть любое уголовное дело в закрытом судебном заседании.

Принятие проанализированного выше закона инициировал Министр юстиции. Он настаивал на предоставлении ему исключительного права принимать решение о закрытии судебного заседания и лишить таких полномочий местный суд, поскольку он не обладает всей полнотой информации, которая позволяет принимать подобное решение. Большинство членов Государственного Совета настоятельно отнеслись к этой идее, расценив ее как вторжение в прерогативу судебной власти. Тем не менее закон содержал мнение меньшинства, с той лишь разницей, что оба субъекта (суд и Министр юстиции) наделили правом принимать решение о закрытии судебного заседания.

Мотивы корректив были те же, что и приведенные выше, желание обеспечить государственный интерес, который может пострадать при публичном рассмотрении уголовного дела¹⁵.

Было бы неверным полагать, что в институт гласности вносились только охранительные коррективы. К изменениям положительного свойства следует отнести: 1) упомянутое выше недопущение в судебное заседание некоторых категорий лиц и 2) возможность закрытия судебного заседания при рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних (ст. 260 УУС)¹⁶.

Однако, несмотря на внесение этих положительных нововведений, в целом охранительная тенденция трансформации института гласности преобладала. Она усиливала влияние исполнительных органов власти на результаты рассмотрения уголовных дел судами и соответствовала содержанию пореформенных изменений Уставов, направленных на их приспособление к нуждам правительства.

¹⁵ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 190.

¹⁶ Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказуемости: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 02.06.1897 // ПСЗ III. Т. XVII. № 14233.

¹³ Там же.

¹⁴ Об изменении и дополнении статей 88, 89, 620–622, 624, 918, 1056, 1061-9 и 1103 Устава уголовного судопроизводства : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 12.02.1887 // ПСЗ III. Т. VII. № 4396.

Литература

1. Беседин А.В., Галузо В.Н. О реализации принципа гласности при осуществлении правосудия: на примере Липецкой области // Закон и право. 2010. № 8.
2. Быстров А.Н. Гласность судебного рассмотрения и участие в нем профессиональных защитников как важнейшие характеристики уголовно-политических процессов, проводимых во второй половине XIX в. // Общество и право. 2010. № 1.

3. Верещагина А.В. Судоустройственное и уголовно-процессуальное законодательство России конца XIX — начала XX века: тенденции развития и идеи реформирования [текст] : монография. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2014.
4. Верещагина А.В. Способы ограничения самостоятельности судебной власти в дореволюционном законодательстве // Право и политика. 2014. № 7.
5. Вилкова Т.Ю. Принцип гласности в советском уголовном процессе в период действия УПК РСФСР 1923 года // Юридическая наука. 2016. № 2.
6. Газанфарли Х.А. Гласность судебного разбирательства как правовая гарантия в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2016. № 8 ; Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб. : Сенатская Типография, 1902.
7. Реховский А.Ф., Игнатенко С.В. О социальном аспекте реализации гласности в уголовном судопроизводстве // Академический юридический журнал. 2014. № 3.
8. Томин В.Т., Карпов Е.Н. Значение и обеспечение права граждан на присутствие в судебном заседании по уголовным делам // Российский криминологический взгляд. 2008. № 3.
9. Троицкий Н. Царские суды против революционной России. Саратов, 1976.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912.

О некоторых аспектах деятельности благотворительно-тюремных обществ Российской империи

*Брылева Елена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Пермского института ФСИН России,
кандидат юридических наук
elenbrylev@yandex.ru*

Статья посвящена деятельности благотворительно-тюремных обществ Российской империи с момента возникновения до начала XX века. Раскрыты их сущность, компетенция и сфера деятельности. Особо выделены региональные общества, такие как Пермское и Томское. Отмечена тенденция государства, с одной стороны, поставить под контроль общества, занимающиеся исправлением и помощью осужденным, а с другой — стимулировать эффективные общества, чему был посвящен Закон от 24 декабря 1912 года «О государственной помощи обществам покровительства лицам, освобождаемым из мест лишения свободы». Автор считает возможным использовать опыт имперской России при реформировании современной уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: исправительные учреждения; несовершеннолетние правонарушители; благотворительно-тюремные общества; осужденные, патронаж.

Some Aspects of Activities of Prison Charity in the Russian Empire

*Bryleva Elena A.,
Assistant Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

The article is devoted to charitable activities — prison companies of the Russian Empire from the moment of the beginning of XX century. Disclosure of their essence, the competence and scope of activities. Specially marked regional societies such as Perm and Tomsk. The tendency of the state on the one hand to control the company, engaged in the correction and using prisoners, and on the other to stimulate the efficiency of the Company, which was devoted to the law of 24 December 1912 «On State aid societies patronage persons released from prison». The author considers it possible to use the experience of imperial Russia in reforming the modern criminal-executive system.

Key words: correctional facilities; juvenile offenders; charity — the prison community; convicts patronage.

История возникновения и развития обществ, преследующих цели оказания помощи и поддержки лицам, вышедшим из заключения, тесно связана с эволюцией взглядов на назначение наказания. При этом теоретическая мысль накануне и в период реформ середины XIX века о возможности и необходимости исправления и перевоспитания преступников, соответственно повлекла за собой и изменение отношения к вышедшим из тюрем. Реализация этой идеи в деятельности обществ патроната происходила порозному. Одни из них преследовали лишь цель заботы об освобождаемых, другие выходили далеко за эти пределы. Но поскольку их деятельность так или иначе была связана с уголовной политикой и вытекала из исполнения наказания, то все они находились в ведении и под контролем Главного тюремного управления (ГТУ), в разное время входившего в состав Министерства внутренних дел или Министерства юстиции. Все общества, состоявшие в ведении ГТУ, по характеру образования и назначению можно условно разделить на три группы: 1) общества, преследующие цели общетюремного патроната; 2) учреждения патронатного характера, образованные местными органами Общества попечительного о тюрьмах; 3) общества, образованные для содержания специальных учреждений патронатного характера, и отдельно существующие учреждения¹.

Президентом Общества попечительного о тюрьмах являлся министр юстиции (с 1855 г., а до этого Общество считалось находящимся под покровительством самого императора). Предусматривались комитеты Общества — мужские и женские в столицах, губернские в портовых городах, а также соответствующие отделения в портовых в уездных городах. Комитеты и отделения состояли из членов Общества благородного, духовного и купеческого звания. Комитеты Общества должны были наблюдать: 1) чтобы со стороны тюремных смотрителей соблюдаемы были установленные правила по надзору за порядком и благочинием между арестантами правильному размещению их по званию, полу, возрасту и роду преступлений или обвинений; 2) чтобы назидание заключенных в правилах Христианского благочестия и доброй нравственности было исполняемо не-

упустительно; 3) чтобы в установленные дни Богослужение совершаемо было в тюремных церквях; где же оных нет — молитвословия в особом помещении или в арестантских камерах; 4) чтобы во время постов арестанты говели; 5) чтобы места заключения были снабжены книгами Св. писания духовно-нравственного содержания и чтобы воскресные и праздничные дни сопровождаемы были арестантами в благочестивых чтениях, беседах и молитве; 6) чтобы обвиненные судом, по объявлении им приговора, немедленно были устраняемы от сообщества с прочими арестантами, дабы духовный отец наедине приготовил их назиданием к достойному принятию Св. Таинств и к перенесению заслуженного наказания с христианскою покорностью и раскаянием»².

Как отмечает И.В. Упоров, идеи данного документа «определенным образом» перекликаются с «Наказом» Екатерины II³.

Наиболее широкой деятельностью из них отличалось Общество пособия несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения, основанное в 1878 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Грота и Вагановой. Оно имело убежище для выходящих на свободу подростков. Из малолетнего отделения тюрьмы Петербурга в контору управления общества заблаговременно поступали сведения об освобождающихся несовершеннолетних. Воспитатель, члены общества подыскивали подросткам место жительства, работу. Мальчики обязаны были приходить каждое воскресенье, если были устроены в городе, в убежище и, как правило, проводили выходные там. В убежище действовала воскресная школа. С работодателем-мастером заключался договор, мастер не наказывал мальчика за провинность сам, а сообщал в управление воспитателю, который принимал соответствующие меры. Заработная плата не выдавалась подопечному на руки, а поступала в контору, он сам вел своим деньгам счет, но получал лишь столько, сколько необходимо на конкретные нужды.

С 1886 г. общество с таким названием и целями стало действовать и в Москве, но помощь оказывало по преимуществу беспризорникам. Комитет общества принимал на попечение только тех мальчиков, которые

² ПСЗ. Собр. Первое. № 27895.

³ Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв. Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 159.

¹ Соломон А.П. Тюремное дело в России. СПб., 1898. С. 5.

обратились добровольно, желали трудиться и обучаться ремеслу. Подопечным предоставлялось право проживать в убежище и вменялось в обязанность работать в мастерских общества: сапожной и переплетной. При убежище проводились школьные занятия. Мальчики пристраивались либо на рабочие места, либо к родственникам⁴.

Изначально мыслившееся как исключительно филантропическое, ориентированное на благотворительность, Общество фактически превратилось в полуофициальную, надежную некоторыми властными полномочиями организацию. На ней помимо «содействия облегчению участи заключенных» и «заботы об их нравственном исправлении» лежала обязанность «восполнять своими пожертвованиями недостаток казенных средств, отпускавшихся на содержание тюрем и арестантов»⁵.

В 90-х годах патронат получает дальнейшее развитие в столицах и постепенно переходит в провинцию: в 1895 г. учреждаются общества патроната в Ярославле, в 1896 — в Перми, Киеве, Кронштадте, Гомеле и других городах.

К 1901 г. в России имелось 889 мест заключения со среднесуточным составом содержащихся в них 100 тыс. чел. Обществ патроната, могущих оказать какую-то поддержку освобожденным, было 6 (в Санкт-Петербурге, Кишиневе, Одессе, Москве, Ярославле, Перми). В 1906 г. их значилось уже 23. Для сравнения можно отметить, что в Англии, например, на 56 мест заключения и 5 каторжных тюрем имелось 112 обществ патроната, а во Франции 120 — при каждом исправительном заведении. Близко к делу патроната в России стояло учрежденное в 1895 г. Особое попечительство о домах трудолюбия и работных. Освободившиеся из заключения могли допускаться к занятиям в них при условии положительного поведения в тюрьме, что подтверждалось соответствующим свидетельством от тюремной администрации⁶.

Во главе тюремных комитетов стояли директора и вице-президенты, на должности которых назначались и лица духовного звания, не ниже протоирея, например, директором Пермского губернского тюремного комитета был протоирей Евгений Попов.

В Перми существовали общественные организации по призрению арестантов. По представлению Пермского губернского гражданского губернатора МВД учреждает Комитет для призрения и улучшения состояния арестантов в 1826 году⁷. Учредительное собрание этого общества проходило 3 октября 1826 года в доме его преосвященства епископа Пермского и Екатеринбургского Дионисия, его же избрали вице-председателем этого общества, директором — Пермского гражданского губернатора Кирилла Яковлевича Тюфяева. Всего в Пермском попечительском обществе о тюрьмах состоял 41 человек. 4 ноября 1826 года были собраны пожертвования в пользу Пермского попечительского общества о тюрьмах по ведомости, которая дает нам представление о его составе (лица духовного звания, городничий, врач, государственные служащие). Кроме этого на заседании было принято решение о разрешении брать для работ в больнице в Пермском тюремном замке 12–15 человек, ссылаемых за маловажные преступления, так как использовать труд вольнонаемных для неглавных работ в больнице было дорого.

Деятельность Пермского попечительского общества о тюрьмах была довольно активной и заметной на фоне подобных организаций в России. В.В. Никитин в своей работе «Тюрьма и ссылка», которая посвящена исследованию различных аспектов истории русской тюрьмы 1560–1880 годов, в 22-й главе под названием «Причины, препятствовавшие обществу попечительства о тюрьмах устроить тюремную часть и вызвавшие мысль о необходимости тюремной реформы» пишет, что в Перми смогли решить проблему общественных работ для арестантов, хотя это обычно упиралось в затруднительность назначения конвоя, «...в Перми наклеили до 40 000 конвертов»⁸. В 1826 году в Пермском тюремном замке была построена церковь⁹.

Затрагивая проблему обращения в официальную веру староверов — раскольников, иноверцев, раскрывая роль попечительского комитета в этом процессе, В.В. Никитин вновь упоминает Пермь: «Создавая храмы, комитеты, в то же время продолжали усердно при-

⁴ Селянина В.В. Исторические аспекты становления социального патроната в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2001. № 1 (1).

⁵ Соломон А.П. Тюремное дело в России. СПб., 1898. С. 5.

⁶ URL: <https://www.miloserdie.ru> (дата обращения: 10.09.2016).

⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 264. Л. 20.

⁸ Никитин В.В. Тюрьма и ссылка. СПб., 1880. С. 575.

⁹ Указатель дел Пермского губернского архива, предназначенных к передаче в Пермскую Ученую архивную Комиссию для вечного хранения в губернном Историческом архиве.

влекать в них отпавших от православия иноверцев. Об этом миссионерстве точно так же свидетельствуют все отчеты. Так, усердием и внушениями духовных и светских членов комитетов присоединено было к православию в 1846 году в Санкт-Петербурге, Москве, Астрахани, Тамбове, Симбирске, Пскове, Екатеринославе, Саратове, Перми, Тобольске, Одессе, Калуге, Новоалександровске — 115 человек.

В 1849 году в том числе Пермским комитетом — 121 человек, 19 раскольников, евреев — 43, католиков — 19, лютеран — 11, магометан — 9, в 1854 — 130 человек. В.В. Никитин также указывает на предмет «особой заботливости» попечительского общества. «Предметом «особой заботливости» столичного, Казанского, Пермского и Тобольского комитетов были пересыльные, которых снабжали всем в дороге необходимым, денежными пособиями, старались облегчить участь этих несчастных». Снова особо отмечается Пермь: «В Перми, кроме материальной помощи, пересыльные получали еще книгу «Почительные слова и беседы приходского священника к пересыльным арестантам»¹⁰.

Показательным также является деятельность Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов. Свою цель Общество видало в «улучшении участи» совершивших преступление детей в возврате от 10 до 17 лет, которые судами были приговорены к отдаче в воспитательно-исправительные учреждения. Такой состав комитета Общества предполагал, с одной стороны, квалифицированную юридическую помощь несовершеннолетним воспитанникам колонии, возможность применения последних достижений пенитенциарной науки того времени в деятельности земледельческой колонии для несовершеннолетних, а с другой — обеспечивал помощь в работе Общества как со стороны официальных властей, так и со стороны сибирского купечества.

Так, Обществом был организован сбор средств на открытие в Томске исправительного приюта и земледельческой колонии для несовершеннолетних преступников, которые должны были стать первыми как на территории Сибири, так и на Дальнем Востоке. В результате 19 ноября 1896 года была открыта земледельческая исправительная колония.

О результативности деятельности Томского Общества также свидетельствует тот факт, что в результате пожара зимой были

¹⁰ Никитин В.В. Указ соч. С. 579.

уничтожены все постройки колонии, а к сентябрю 1904 г. практически полностью восстановлены. Это обошлось Обществу в немалую сумму — 9 794 руб. 27 коп.¹¹

Надо отметить, что и государство подерживало и законодательно, и финансово деятельность благотворительных обществ. В частности, законом от 24 декабря 1912 года «О государственной помощи обществам покровительства лицам, освобождаемым из мест лишения свободы»¹², предоставлялись пособия из государственного казначейства обществам, действующим на основании Устава, утвержденного Министерством юстиции.

Непосредственно данные общества освобождались от:

- налогов и сборов с недвижимого имущества, за исключением той недвижимости, которая сдавалась внаем и приносила доход;
- промыслового налога, наравне с благотворительными учреждениями и предприятиями;
- гербового сбора по всем делам Общества, производимым в судебных установлениях и по дарственным актам в их пользу;
- пошлин с имущества, переходящих безвозмездным способом в их пользу;
- крепостных пошлин по актам о приобретении Обществом имущества и от канцелярской актовой пошлины;
- платежей судебных и канцелярских пошлин.

Помимо этого, общества патроната пользовались правом пересылки по почте без оплаты льготных почтовых карточек, закрытых писем до 1 фунта и посылок до 4 фунтов весом. Общества, которые функционировали более одного года, имели право получать от Главного тюремного управления денежное пособие на год с предоставлением отчета о своей деятельности за предшествующий год, отчета о доходах и расходах и свои предложения по смете на субсидируемый год. Размеры суммы зависели от количества денежных средств, собранных обществом за предшествующий год, и от числа лиц, которым оказано покровительство¹³.

Таким образом, полагаем, что в свете информации о наличии иностранных посту-

¹¹ Отчет Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за 1904 год. Томск, 1906. С. 24.

¹² Тюремный вестник. 1913. № 1. С. 14–17.

¹³ Печников А.П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 — октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М., 2004. С. 206.

плений в общественные организации, занимающиеся проблемами осужденных лиц, возможно, стоит обратить внимание на опыт имперской России, которая, с одной стороны,

ставила под контроль государства благотворительные организации, с другой стороны — стимулировала результативные и нуждающиеся.

Литература

1. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1893 год. Пермь : Типография губернской земской управы, 1892.
2. Никитин В.Н. Тюрма и ссылка: 1560–1880 г. СПб., 1880.
3. Печников А.П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 — октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М., 2004.
4. Селянина В.В. Исторические аспекты становления социального патроната в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2001. № 1 (1).
5. Соломон А.П. Тюремное дело в России. СПб., 1898.
6. Тюремный вестник. 1913. № 1.

Советские органы предварительного следствия в период 1924–1941 гг.

*Попов Иван Алексеевич,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
professor1951@inbox.ru*

*Рязанцев Василий Анатольевич,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
кандидат юридических наук
rva-74i@mail.ru*

В работе рассмотрены проблемные вопросы организации и деятельности советского следственного аппарата с момента утверждения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в 1923 году до начала Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: следственный аппарат, военный трибунал, милиция, народный следователь, прокурор, суд, губернский суд, уголовное дело, Народный комиссариат юстиции РСФСР, Центральный исполнительный комитет СССР.

Soviet Preliminary Investigation Authorities in 1924–1941

*Popov Ivan A.,
Chief Research Scientist of the Research Center No. 5
of the All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor*

*Ryazantsev Vasyliy A.,
Senior Research Scientist
of the Research Center No. 5
of the All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

We consider the problem questions of the investigative unit of the Soviet organization and activities since the adoption of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in 1923 before the start of the Great Patriotic War.

Key words: *investigation unit, the military court, the police, national investigator, prosecutor, court, provincial court, criminal proceedings, the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, the Central Executive Committee of the USSR.*

Первый год работы советского следственного аппарата по новому уголовно-процессуальному закону¹ и организационному режиму² выявил ряд проблемных вопросов, касающихся его организации и деятельности. Особенно всесторонне обсуждение этих вопросов произошло на состоявшемся 10–15 марта 1924 года V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции.

Так, на съезде с подробным докладом «Вопросы уголовно-судебного процесса» выступил прокурор уголовно-следственной коллегии Верховного Суда СССР А.Я. Вышинский, высказавшись о передаче следственного аппарата в полное подчинение прокуроров, что обеспечило бы, по его мнению, разумный эффект и государственную экономию³.

Против руководства следствием со стороны прокуратуры выступил заместитель наркома юстиции РСФСР и старший помощник прокурора РСФСР Н.В. Крыленко, который утверждал, что в организационной перестройке следственного аппарата в тот период необходимости не было, а подчинение следователей прокуратуре ничего не дает в смысле улучшения следственного производства, так как в этом отношении права прокуратуры по наблюдению за следствием и так достаточно широки⁴.

Несколько иного мнения придерживался народный комиссар юстиции Д.И. Курский, который считал, что следственный аппарат нуждается в некоторой реорганизации в направлении несколько большего подчинения его прокуратуре⁵.

Однако, несмотря на различия во взглядах и предложениях, высказанных в докладах и выступлениях на данном съезде, в его резолюции было сделано весьма важное и принципиальное заявление: «Основной задачей уголовно-процессуальной политики является создание наиболее экономного процесса, практически легкого, гибкого и наиболее обеспечивающего достижение материальной истины. Осуществление этой задачи теснейшим образом связано... с усилением единства работы следственно-розыскных органов... Следственно-розыскные органы (органы дознания и органы следственной власти) должны в своей деятельности организационно быть частями единого следственно-розыскного аппарата»⁶.

14 июля 1924 года Центральный исполнительный комитет СССР образовал при военной коллегии Верховного Суда Союза ССР, осуществляющей непосредственное руководство деятельностью всех военных трибуналов, следственную часть⁷, в состав которой входили военные следователи по важнейшим делам⁸.

Кроме того, определялось, что по всем делам, поступающим на рассмотрение уголовно-судебной коллегии Верховного Суда Союза ССР, следствие производится следователями по важнейшим делам при прокурорах союзных республик по предложению прокурора Верховного Суда Союза ССР, направляемому прокурору соответствующей союзной республики, либо особыми следственными комиссиями, назначаемыми прокурорами Верховного Суда Союза ССР, если таковые не назначены непосредственно Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР⁹.

¹ Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РС.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РС.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

² Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судостроительстве РС.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

³ См.: V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (стенографический отчет). М., 1924. С. 193–198.

⁴ См.: Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12–13. С. 297.

⁵ См.: там же. С. 292.

⁶ Горский Г.Ф. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1970. С. 27.

⁷ Постановление ЦИК СССР от 14.07.1924 «Наказ Верховному Суду Союза Советских Социалистических Республик» // СЗ СССР. 1924. № 2. Ст. 25.

⁸ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 01.08.1924 «О милитаризации военной коллегии Верховного Суда Союза ССР» // СЗ СССР. 1924. № 4. Ст. 49.

⁹ Постановление ЦИК СССР от 14.07.1924 «Наказ Верховному Суду Союза Советских Социалистических Республик» // СЗ СССР. 1924. № 2. Ст. 25.

Постановлением второй сессии ВЦИК одиннадцатого созыва от 16 октября 1924 года¹⁰ были внесены существенные изменения в УПК РСФСР, касающиеся возложения на следователя функции надзора и разрешения жалоб на действия органов дознания, что привело к увеличению объема их работы.

29 октября 1924 года постановлением ЦИК СССР были утверждены Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик, в которых организация судебно-следственных органов была отнесена к республиканскому ведению (ст. 15)¹¹. Вместе с тем военные трибуналы, при которых продолжали состоять военные следователи, оставались в союзном подчинении (ст. 5)¹².

Принятые 31 октября 1924 года Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик подтвердили, что органами, производящими предварительное расследование преступлений, являются органы дознания, следователи и иные должностные лица, коим это предоставлено общесоюзными законами и законами Союзных Республик (ст. 7)¹³.

Утвержденное 3 сессией ВЦИК XII созыва 19 ноября 1926 года Положение о судостроительстве РСФСР¹⁴ не изменило организацию следственного аппарата. Расследование преступлений осуществляли народные следователи, старшие следователи и следователи по важнейшим делам. Для предварительного расследования преступлений следователи действовали под непосредственным надзором и наблюдением прокурора.

Народные следователи действовали в пределах своего следственного участка, границы которого устанавливались губернским испол-

нительным комитетом по представлению губернского суда, согласованному с губернским прокурором. Остальные следователи действовали в пределах тех территорий, на которые распространялось ведение учреждений, при которых они состояли. Однако пределы действия следователей по важнейшим делам в тех случаях, когда они производили следствие по поручению Прокурора Верховного Суда Союза ССР, распространялись на территорию всего Союза.

Что касается военных следователей, то их назначение, увольнение и перемещение производилось военными трибуналами, по согласованию с подлежащими военными прокурорами и с последующим утверждением военной коллегией Верховного Суда Союза ССР.

Таким образом, народные и старшие следователи были подчинены губернскому суду, который осуществлял общее руководство ими, разрешал жалобы на их действия. Надзор за расследованием осуществлял прокурор, указания которого были обязательны для следователя. В результате следственный аппарат находился в двойном подчинении — суду и прокуратуре. При этом возникали коллизии между указаниями этих двух органов. В целях их недопущения 10 сентября 1927 года на объединенном заседании коллегий наркоматов Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) СССР и РКИ РСФСР было принято решение о полной передаче народных следователей в подчинение прокуратуры¹⁵.

Законодательное закрепление этой важной реформы нашло свое выражение в постановлении ВЦИК, СНК РСФСР от 3 сентября 1928 года «Об изменении Положения о Судостроительстве РСФСР»¹⁶.

Следует отметить, что в конце 1920-х годов прокуратура не имела ведомственной самостоятельности и оставалась в структуре Народного комиссариата юстиции. В этой связи, перейдя в подчинение прокуратуры, следственный аппарат сохранил общую подведомственность наркомату юстиции.

Изменения затронули и военных следователей. Так, согласно ст. 4 постановления ЦИК СССР, СНК СССР от 30 января 1929 года военные следователи перешли в подчинение органам военной прокуратуры¹⁷.

¹⁰ Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «О дополнениях и изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1924. № 78. Ст. 784.

¹¹ Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик : утверждено Постановлением ЦИК СССР от 29.10.1924 // СЗ СССР. 1924. № 23. Ст. 203.

¹² Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре : утверждено Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 20.08.1926 // СЗ СССР. 1926. № 57. Ст. 412.

¹³ Постановление Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924 «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик» // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

¹⁴ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о Судостроительстве РСФСР» // СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.

¹⁵ Ежедельник советской юстиции. 1927. № 40. С. 1255.

¹⁶ СУ РСФСР. 1928. № 117. Ст. 733.

¹⁷ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1929 «Об изменении и дополнении По-

Директивным письмом Народного комиссариата юстиции РСФСР № 120 от 12 октября 1930 года «Об улучшении работы следственного аппарата» народные следователи были освобождены от осуществления надзора за расследованием уголовных дел, проводившимся органами дознания. Надзор за дознанием в полной мере был вновь отнесен к функциям прокуратуры.

20 июня 1933 года постановлением ЦИК и СНК СССР¹⁸ была учреждена Прокуратура СССР.

17 декабря 1933 года ЦИК СССР и СНК СССР было утверждено Положение о Прокуратуре СССР¹⁹, которая стала самостоятельным государственным органом, независимым от Верховного Суда СССР. При прокуратуре Союза ССР предусматривались должности следователей по важнейшим делам. В то же время во всех союзных республиках прокуроры и следователи по-прежнему оставались в системе наркомюстов этих республик. И только 20 июля 1936 года постановлением ЦИК СССР и СНК СССР «Об образовании Народного Комиссариата Юстиции Союза ССР»²⁰ органы прокуратуры и следствия отделялись от народных комиссариатов юстиции союзных и автономных республик и переходили в исключительное подчинение Прокурору СССР.

Организационное руководство со стороны прокуратуры органами следствия осуществлялось приказами. Так, 25 сентября 1936 года Прокурором СССР был издан приказ № 58/6 «О работе прокуратур по руководству следствием, производимым следователями»²¹. Этим приказом было предложено все указания прокурора следователю давать обязательно в письменном виде. В случае несогласия прокурора с тем или иным действием или постановлением следо-

вателя, прокурор может его отменить своим мотивированным постановлением, приобщаемым к делу. В случае несогласия с распоряжением прокурора следователь вправе обжаловать это распоряжение вышестоящему прокурору, не приостанавливая исполнение.

В целях устранения организационных недостатков и улучшения работы аппарата Прокуратуры Союза ССР 5 ноября 1936 года в ее структуру был включен следственный отдел²².

Необходимо отметить, что постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 года образован Народный комиссариат внутренних дел СССР²³. В этом же постановлении указывалось, что НКВД СССР и его местные органы дела по расследуемым ими преступлениям по окончании следствия должны направлять в суды по подсудности в установленном законом порядке. Расследование уголовных дел в НКВД СССР осуществлялось Главным управлением государственной безопасности и подчиненными ему подразделениями.

На тот период времени самостоятельных следственных подразделений в НКВД СССР не имелось. Несомненно, в структуре органов ОГПУ-НКВД СССР осуществлялись попытки урегулирования порядка ведения следственной работы. Одним из первых ведомственных нормативных правовых актов стал Циркуляр ОГПУ от 14 апреля 1934 года № 24/сс «О следственной работе», определивший следствие как важнейший этап оперативно-служебной деятельности²⁴.

15 августа 1935 года Циркуляр был отменен приказом НКВД СССР, которым утверждалась Инструкция о порядке ведения следствия сотрудниками ГУГБ и его местных органов, ставшая «настойной книгой» оперативных сотрудников при проведении ими следствия²⁵.

22 декабря 1938 года приказом НКВД СССР № 00813 была образована Следствен-

ложения о военных трибуналах и военной прокуратуре» // СЗ СССР. 1929. № 13. Ст. 106.

¹⁸ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.06.1933 «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» // СЗ СССР. 1933. № 40. Ст. 239.

¹⁹ Постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17.12.1933 «Положение о прокуратуре Союза ССР» // СЗ СССР. 1934. № 1. Ст. 26.

²⁰ Постановление ЦИК СССР № 68, СНК СССР № 1299 от 20.07.1936 «Об образовании Народного Комиссариата Юстиции Союза ССР» // СЗ СССР. 1936. № 40. Ст. 338.

²¹ Сборник приказов Прокуратуры СССР. Изд. 2. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1939. С. 154.

²² Постановление СНК СССР от 05.11.1936 № 1961 «О структуре Прокуратуры Союза ССР» // СЗ СССР. 1936. № 59. Ст. 450.

²³ Постановление ЦИК СССР от 10.07.1934 «Об образовании общесоюзного народного комиссариата внутренних дел» // СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 283, 284.

²⁴ Гоцуленко А.В. О следственной работе органов НКВД СССР в 1930-е годы // История государства и права. 2013. № 6. С. 28–29.

²⁵ Гоцуленко А.В. Следствие в органах НКВД СССР в середине 1930-х годов // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 187–188.

ная часть НКВД СССР, которую возглавил Богдан Захарович Кобулов (22.12.1938 — 04.09.1939). Следственные части в оперативных управлениях и отделах НКВД СССР ликвидируются. Одновременно для ведения следствия по делам в отношении военнослужащих в составе Особого отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР организуется самостоятельная Следственная часть.

4 сентября 1939 года приказом НКВД СССР № 001050 Следственная часть НКВД СССР была разделена на следственные части Главного управления государственной безопасности и Главного экономического управления²⁶. Несколько ранее, 5 августа 1939 года следственная часть была образована и в Главном транспортном управлении НКВД СССР.

В этот период на практике большинство уголовных дел расследовалось органами милиции, в штатах которых должностей следователей не было. В целях устранения разобщенности следствия и усиления борьбы с преступностью 28 августа 1939 года заместитель Народного комиссара внутренних дел Союза ССР В.Н. Меркулов издал приказ «Об организации в ОУР, БХСС УРКМ ре-

спублик, краев и областей из наличного штата следственных групп»²⁷. Руководство ими осуществлялось одним из заместителей начальников отделов ОУР, БХСС, дорожных отделов.

В конце 1940 года в органах НКВД СССР были введены должности следователей и старших следователей, на местах они объединялись в следственные подразделения, возглавляемые начальниками.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 года органы государственной безопасности были выделены из системы НКВД СССР. В образованный Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР на правах управления вошла и Следственная часть.

26 февраля 1941 года в составе новой структуры НКВД СССР образовано Главное управление милиции, в котором был создан отдел по борьбе с бандитизмом, состоящий из пяти отделений: четыре — по зонам СССР, пятое — следственное.

²⁶ Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ 1917–1960. Справочник / составители: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М. : МФД, 1997. С. 22–24.

²⁷ Статкус В.Ф. 150 лет следственной службе России: тенденции развития // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России) : материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 мая 2010 г. Часть 1. М. : Академия управления МВД России, 2010. С. 10.

Литература

1. Горский Г.Ф. Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1970.
2. Гоцуленко А.В. О следственной работе органов НКВД СССР в 1930-е годы // История государства и права. 2013. № 6.
3. Гоцуленко А.В. Следствие в органах НКВД СССР в середине 1930-х годов // Российский юридический журнал. 2012. № 1.
4. Лаговьер Н. Полезный почин в судебно-следственном строительстве // Советская юстиция. 1930. № 28.
5. Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ 1917–1960. Справочник / составители: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М. : МФД, 1997.
6. Статкус В.Ф. 150 лет следственной службе России: тенденции развития // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России) : материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 мая 2010 г. Часть 1. М. : Академия управления МВД России, 2010.
7. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РС.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РС.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
8. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судоустройстве РС.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
9. Постановление ЦИК СССР от 14.07.1924 «Наказ Верховному Суду Союза Советских Социалистических Республик» // СЗ СССР. 1924. № 2. Ст. 25.
10. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 01.08.1924 «О милитаризации военной коллегии Верховного суда Союза ССР» // СЗ СССР. 1924. № 4. Ст. 49.
11. Постановление ЦИК СССР от 14.07.1924 «Наказ Верховному Суду Союза Советских Социалистических Республик» // СЗ СССР. 1924. № 2. Ст. 25.

12. Постановление ВЦИК от 16.10.1924 г. «О дополнениях и изменениях Уголовно-Процессуального Кодекса РС.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1924. № 78. Ст. 784.
 13. Основы судоустройства Союза ССР и союзных республик, утверждено Постановлением ЦИК СССР от 29.10.1924 // СЗ СССР. 1924. № 23. Ст. 203.
 14. Постановление Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924 «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик» // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.
 15. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре : утверждено Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 20.08.1926 // СЗ СССР. 1926. № 57. Ст. 412.
 16. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о Судоустройстве РС.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1926. № 85. Ст. 624.
 17. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 3 сентября 1928 года «Об изменении Положения о Судоустройстве РСФСР» // СУ РСФСР. 1928. № 117. Ст. 733.
 18. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1929 «Об изменении и дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре» // СЗ СССР. 1929. № 13. Ст. 106.
 19. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20.06.1933 «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» // СЗ СССР. 1933. № 40. Ст. 239.
 20. Постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17.12.1933 «Положение о прокуратуре Союза ССР» // СЗ СССР. 1934. № 1. Ст. 26.
 21. Постановление ЦИК СССР № 68, СНК СССР № 1299 от 20.07.1936 «Об образовании Народного Комиссариата Юстиции Союза ССР» // СЗ СССР. 1936. № 40. Ст. 338.
 22. Постановление СНК СССР от 05.11.1936 № 1961 «О структуре Прокуратуры Союза ССР» // СЗ СССР. 1936. № 59. Ст. 450.
 23. Постановление ЦИК СССР от 10.07.1934 «Об образовании общесоюзного народного комиссариата внутренних дел» // СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 283, 284.
-

«Срочность» наказаний как предпосылка возникновения уголовно-правового испытания

*Маликов Сергей Владимирович,
ведущий научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
кандидат юридических наук
s.v.malikov@yandex.ru*

Эволюция наказания, главным образом лишения свободы, предопределила развитую, взаимозависимую систему испытания с темпоральными характеристиками, позволяющими эффективно оперировать исполнением наказания, оценивать его эффективность, в том числе в достижении его основных целей.

Ключевые слова: сроки, испытание, условные виды наказания, срочность наказаний.

“Urgency” of Punishment as a Prerequisite for the Criminal Legal Trial

*Malikov Sergey V,
Leading Research Scientist
of the All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

Evolution of punishment determined formation of system of probation with the temporal characteristics. That allowed effectively handle the execution of punishment, evaluate its effectiveness including the achievement of its main goals.

Key words: terms, probation, conditional punishment, “temporal” punishment.

Комплексных работ, посвященных изучению институтов уголовного права или меж-

институциональных образований, появляется на свет не так много. Одной из таких тем,

на наш взгляд, является тема уголовно-правового испытания. Проблема его институционализации сложна и неоднозначна. Связано это в первую очередь с отсутствием терминологии. Понятие «испытание» в уголовном праве не нашло широкого употребления¹. В единичных исследованиях употребляется сочетание «режим испытания», однако в узком контексте — по отношению к условному осуждению² и условно-досрочному освобождению³. Исключением, пожалуй, является работа А.А. Нечепуренко⁴.

Полагаем, что институционализация уголовно-правового испытания (включающего институты условного осуждения, условно-досрочного освобождения, судимости и давности) наряду с иными признаками может быть дополнительно обоснована с позиции срочности институтов наказания, их особой функциональной роли. Это можно проследить на примере одного из наиболее распространенных и имеющих довольно продолжительную историю видов наказания — лишения свободы.

В литературе существует мнение, что тюремное заключение как разновидность лишения свободы с таким его атрибутом, как срочность, стало занимать приоритетное место в системе уголовных наказаний к середине XIX в. Большинство исследователей при этом ссылаются на Н.Д. Сергеевского, ограничившегося XVII в. ввиду отсутствия необходимого количества правовых источников. Вместе с тем не учитывается материал русских летописей, которые являются одним из основных источников по истории лишения и ограничения свободы до середины XVI в.⁵

Не вдаваясь в подробности, поскольку этой теме может быть посвящено отдельное глубокое исследование, отметим, что самая справедливая и верная, с точки зрения церкви, формула срока назначения наказания, практиковавшаяся в Русском государстве: «доколь не исправится, доколь не придет в себя и не принесет покаяния»⁶.

Великий князь, а впоследствии и царь, руководствуясь в судебной деятельности прежде всего канонами православной церкви, назначал не определенное по срокам наказание вовсе не из стремления устроить преступника. Напротив, он давал ему шанс как можно скорее доказать свое раскаяние и, не будучи связан формальными рамками срока, предоставить последнему свободу. Подобная практика находила распространение в повседневном правоприменении, которая в дальнейшем не только поставит вопрос об ограниченности во времени лишения свободы, но также станет предвестником условности наказания и досрочного освобождения. Речь идет об институте поручительства в уголовном праве. В уголовно-правовой литературе XIX в. упоминается наличие такого уголовно-правового явления, как поруки, однако его юридическая оценка весьма скудна⁷.

Анализируя практику торговых договоров Северо-Западной Руси и североевропейских городов, Н.В. Калачов выделял заключение как меру предварительного пресечения и как меру наказания. В первом случае «подсудимый подвергался лишению свободы, когда не мог представить поручителей или обязательства, что явится в суд. Такому же заключению подвергались обвиненные по суду, когда не могли представить поруки в том, что не окажутся впредь виновными в учиненном ими преступлении. На этом основании судьи не имели права замыкать в темницу (ковать в железа) подсудимых прежде, нежели им будет достоверно известно, что они не могут представить поруки»⁸.

¹ В то же время научное осмысление институтов испытания, как отметил А.А. Пионтковский (отец), являлось новшеством лишь по форме, а не по духу. См.: Пионтковский А.А. Избранные труды. В 2 т. Т. I. Казань, 2004. С. 106–107.

² См.: Чуприна Л.В. Режим испытания при условном осуждении : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 251 с.

³ См.: Ольховик Н.В. Режим испытания при условном осуждении : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. 218 с.

⁴ См.: Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. С. 13–15.

⁵ См.: Сидоркин А.И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв.: Проблемы правового регулирования, систематизации и

применения : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2005. С. 8.

⁶ См.: Суворов Н.С. О церковных наказаниях. СПб., 1876. С. 41–42.

⁷ См.: Числов П.И. История русского права московского и петербургского периодов. М., 1902. 474 с.; Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением. СПб., 1889.

⁸ Калачов Н.В. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические за-

Этого же мнения придерживался Л. Богдановский, который приводит следующий пример из договора 1229 г.: «Ож будет порука по не, то дати на поруку; не будет ли порука [по не], то лзе и в железа всадити»⁹. Данное правило воспринимает и последующее законодательство Московского государства.

Вплоть до появления Судебника 1550 г. практически не существует упоминаний о тюрьмах или местах заключения государственного значения, а соответственно — и о лишении свободы. Это объясняется тем, что прежде чем тюремная система стала общегосударственной, должно было укрепиться централизованное государство. Первые крупные мероприятия по развитию лишения свободы как общеуголовной меры связаны исключительно с массовой преступностью «лихих людей» в первой половине XVI в.

Впервые наказание в виде лишения свободы, хотя и без указания сроков, в русском кодифицированном праве получает широкое распространение в «царском» Судебнике (1550 г.). Законодатель ограничивается выражением «(в)кинути в тюрьму» без какого-либо дополнения о длительности пребывания в месте лишения свободы (ст. 4, 6–10, 13, 33, 34, 42, 47, 53, 54, 67). Отсутствие в Судебнике указания о сроках не колеблет основного принципа заключения — временности, поскольку могло иметь место освобождение «на поруку».

Хотя конкретные сроки не указываются, все же дается более определенное пояснение: «вкинути в тюрьму до смерти» (ст. 52, 56) — вероятно, речь идет о пожизненном заключении; содержании в тюрьме до тех пор, пока не найдется поручитель: «вкинути в тюрьму, куда порука по нем будет» (ст. 12, 55). В ст. 56, 58 условия освобождения несколько ужесточаются тем, что порука должна быть «крепкой». Наконец, в ст. 67, 71 заключение могло длиться «до царева государева указу». В последнем случае речь идет о преступлениях «государевых людей», т.е. чиновников (тиунов, наместников, волостелей)¹⁰.

Можно полагать, что в Судебнике заключение в тюрьму имело место до наступления

определенных обстоятельств — до «поруки» населения и царского указа, т.е. не являлось вечным. Преимущественно временная изоляция преследовала цель изменения духовного облика виновного, хотя детально проблема влияния на образ мыслей преступника разрабатываться не могла.

Привлекательной является гипотеза Л.П. Рассказова и И.В. Упорова о том, что даже неопределенный срок в этих случаях не означал вечного тюремного заключения, а определялся именно государем или его наместниками. Такая гипотеза ими подтверждается тем, что традиционным для уголовных законов до Судебника и для него самого являлся компенсационный характер наказаний (выплаты, штрафы, пени) и таким образом срок зависел от возможности преступников выплатить «откупные» местным начальникам. Исключения могли составлять лишь лица, совершившие кражу или убийство, поскольку борьба с ними требовала сурового подхода¹¹.

Таким образом, практически с самого появления государства на Руси практиковался институт поруки, который в московский период истории отечественного права (XIV–XVI вв.)¹² применяется в довольно широких размерах, служа заменой уголовной кары в тесном смысле этого слова. По своему характеру он имеет некоторое сходство с институтами условного осуждения и условно-досрочного освобождения.

Об этом, в частности, говорит Н.С. Таганцев, указывая, что воры, попавшиеся первый раз, хотя и подвергались только телесному и денежному наказанию, но и после этого могли быть отпущены только тогда, как «когда за них будет порука крепкая в том, что они вперед будут жить не зазорно: это условное наказание представляло в нашем праве то же, что оставление в тюрьме до исправления по вюртембергскому, саксонскому и прусскому правам»¹³.

Представляется, что можно говорить о появлении протоинститута уголовно-правового испытания — «порука», поручительство». Однако эта идея дальнейшего раз-

писки, издаваемые П. Редкиным. М., 1842. Т. 2. С. 342.

⁹ См.: Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 84.

¹⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 232.

¹¹ См.: Рассказов Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар, 1999. С. 42.

¹² См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905. С. 4.

¹³ Таганцев Н.С. О повторении преступлений. СПб., 1867. С. 228.

вития не получила. В период царствования Ивана IV ввиду роста преступности, Ливонской войны и политического террора не произошло укрепления срочности тюремного заключения. Не способствовала этому и причина — высшая полиция по делам государственной измены, которая в условиях сословных противоречий влекла усиление репрессии¹⁴.

Срочность наказания впервые на законодательном уровне появляется только в Соборном уложении 1649 г., в котором различалось заключение «до порук», до указа, до смерти, устанавливались конкретные сроки лишения свободы от трех дней до четырех лет¹⁵. Довольно четкая фиксация сроков заключения свидетельствует об использовании этого вида наказания как исправительной меры в рамках правосознания позднего средневековья. В практике устанавливалось, в каких случаях и какой срок был достаточен для достижения конечных результатов наказания.

Регламентация сроков заключения, пробивая себе дорогу со времени Судебника 1550 г. и испытывая влияние субъективных факторов, достигла в Уложении высшего логического обоснования для средневековой России. Правда, в некоторых случаях кодекс сохранял формулы — содержать в тюрьме «до государева указа» и «чинить жестокое наказание», в соответствии с которыми срок заключения мог быть неопределенным. Тем не менее в большинстве случаев Уложение тяготеет к конкретным срокам, чем подтверждается его целенаправленный подход к лишению свободы. Все это свидетельствует о стремлении государства к предупреждению будущих преступлений («чтоб на то смотря и иным не повадно было»)¹⁶. Таким образом, лишение свободы, получившее окончательную регламентацию в Уложении 1649 г., назначалось с учетом принципа целесообразности: тюремное заключение, как правило, носило краткосрочный характер, поскольку длительные сроки совершенно не способствовали изменению духовного облика преступника.

Интересно отметить, что в статьях Соборного уложения появляется упоминание о необходимости покаяния (что также может свидетельствовать о приоритете цели исправления преступника). Причем оно могло состояться только по истечении определенного срока, например шести недель для татей и разбойников (ст. 34, гл. XXI), год — для убийц матери и отца (ст. 4, гл. XXII). С долей условности можно говорить о появлении элементов регулирования режима отбывания наказания, которые могли стать прообразом досрочного освобождения. Все это подтверждает ранее указанные идеи об особых функциях, которыми начинает делиться время, формируется темпоральная функциональная категория «времени реализации уголовной ответственности» с ее специфическими задачами: регламентация периода уголовно-правовых отношений, в пределах которого происходит корректировка длительности испытания или наказания, фиксируются ограничения по выбору продолжительности наказания, выявляются минимальные и максимальные периоды для освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Благоприятные тенденции в регламентации темпоральных аспектов отбывания наказания, сложившиеся к XVII в., вплоть до 1822 г. в связи с появлением Устава о ссыльных, не получили дальнейшего развития. Все это способствовало большому произволу во всем тюремном деле¹⁷. При оперировании временем в уголовном праве стала преобладать государственно-утилитарная цель. Акцент уголовно-правовой политики XVIII в. сместился на такие виды наказания, как ссылка на поселение и ссылка на каторжные работы, эволюция последней в свою очередь привела к достаточно прогрессивному уровню регламентации временных аспектов содержания осужденных.

Соборное уложение действовало наряду с Артикулом воинским (1715 г.). Зачастую издавались указы, которые корректировали уголовную политику (по большей части это касалось ссылки и каторги). В случае систематизации всех указов о ссылке времен Петра I получился бы достаточно полно регламентированный акт, посвященный это-

¹⁴ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. Т. 2. М., 1988. С. 170.

¹⁵ См.: Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. М., 1904. С. 496.

¹⁶ См.: Развитие уголовного права в XV — первой половине XVII вв. М., 1986. С. 189.

¹⁷ См.: Гернет М. История царской тюрьмы. Т. 1. М., 1941. С. 217–244.

му наказанию, включающему целую систему сроков.

В Артикуле воинском не содержалось четко зафиксированных размеров наказания в виде лишения свободы и каторги. В этом смысле можно считать, что сделан значительный шаг назад в законодательной технике. Это также подтверждает тезис, что в случаях государственной необходимости «маятник» наказаний качается в сторону их бессрочности. Только с 1721 г. каторга начинает делиться на вечную и временную, однако четкого нормативного закрепления критериев такого деления нет. Как указывает А. Филиппов, при распределении преступников на те или иные работы, а также определении их продолжительности принималась во внимание тяжесть преступления. При этом сроки довольно редко устанавливались, но даже если и определялись, то нередко подвергались изменениям¹⁸. Даже в тех случаях, когда сроки ссылки преступников были определены по судебным решениям, приговоренные, по-видимому, не привыкли смотреть на них как на нечто непреложное и обращались с ходатайством об освобождении. В мае 1724 г. с таким ходатайством обратились лица, сосланные с 1721 г. на 10 лет, с 1723 г. на 7 лет и т.д. Этому взгляду, вероятно, позволяла укрепляться сама практика освобождения ссылных, осужденных на разные сроки. Таков, например, Указ Екатерины I от 26 января 1725 г., где говорится: «...колодников, которые сосланы на каторги, кроме тех, которые сосланы в Государственных винах ... також смертных убийств и учиненных разбоев, свободить, а именно: которые сосланы на 5 лет и больше; а которые по делам назначены 5 лет и ниже, а не посланы, тех не посылать»¹⁹. Этот Указ был милостивым манифестом, подобным другим, изданный Екатериной I по случаю кончины Петра I.

Подобная неопределенность санкций объяснялась особенностями работ, на которые привлекались преступники, и потребностью в рабочих руках. Когда характер работ был известен, сроки определялись учреждениями, посылавшими на работы. В других случаях продолжительность наказания

устанавливалась по усмотрению непосредственно руководителей работ. Учреждения, заведовавшие ссылкой на работы, неохотно брали на себя эту обязанность, о чем свидетельствует Указ от 18 августа 1721 г.: «...ежели кто за какие вины осужден будет в каторжную работу на время, а не вечно, и о таких, усматривая и объявляя вины их, присылать на урочные годы по указу, а не такими образом, как сегодня ныне присылаются до указу...»²⁰. Такие люди, как правило, не отпускались без высочайшей резолюции.

Можно констатировать, что ситуация не менялась до 20-х годов XIX в., т.е. до вступления в силу Устава о ссылных. Этому также способствовали прогрессивные взгляды на государственное устройство и пенитенциарную систему Екатерины II, отраженные в Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения и Уставе о тюрьмах.

Таким образом, во второй половине XVIII в. сложилось положение, когда, с одной стороны, появились первые научно обоснованные идеи о целях наказания в виде лишения свободы, его содержании, порядке и условиях исполнения, соответствовавшие передовым взглядам того времени; а с другой стороны — на практике система мест лишения свободы развивалась сама по себе, без учета новых идей, исходя из прагматических целей — изоляции преступников, нужды в рабочих руках. Задача исправления арестантов еще не обрела какой-либо социальной и материальной опоры. Правовое регулирование назначения и исполнения лишения свободы осуществлялось бессистемно, преимущественно на основе указов, издаваемых по отдельным вопросам уголовной политики и тюремной деятельности.

Жестокость как характерная черта наказаний, предусмотренных Соборным уложением 1649 г. и Артикулом воинским 1715 г., постепенно утрачивает определяющее значение. Прежде всего это касается смертной казни, которая заменяется каторжными работами. Государство по-прежнему активно использует осужденных для решения своих задач: колонизации новых территорий, строительства различных объектов, укрепления окраинных земель. Каторжные работы и ссылка на поселение становятся основными видами уголовного наказания.

¹⁸ См.: Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М., 1891. С. 323–325.

¹⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. СПб., 1830. Ст. 4638.

²⁰ См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. Ст. 3815.

В целом уголовно-правовая практика, по данным М.Н. Гернета, характеризовалась следующим образом: в первой четверти XIX в. большинство осужденных отбывали тюремное заключение за кражи, побег, бродяжничество, нарушение паспортной системы. Средний срок лишения свободы в этот период составлял 43 суток²¹. Это также свидетельствовало о том, что тюремное заключение не играло существенной роли.

В то же время, как отмечает С.В. Познышев, в конце XVIII — начале XIX в. стала намечаться новая цель наказания — исправление. Хотя изначально данная цель представлялась законодателям лишь в форме торжественных общих фраз, в дальнейшем она стала выражаться в виде многочисленных наложений, органически не связанных с прежним содержанием²². В частности, господствовавшие идеи возмездия и устрашения воплощались в бессрочной каторге, создававшей тяжелую перспективу для каторжан и имевшей целью сделать возмездие чувствительным и суровым как в глазах преступников, так и всего общества.

Изменение карательной политики государства начинает происходить в первой половине XIX в., в частности с принятием Устава о ссыльных в 1822 г. Устав содержал целый ряд прогрессивных мер для своего времени, связанных с регулированием сроков наказания и «режима отбывания наказания». Так, все ссылаемые делались на категории в зависимости от назначенного срока наказания, что определяло всю их дальнейшую судьбу: от сроков для перехода в иной разряд до мер взыскания. К первому принадлежали осужденные без срока или имеющие срок свыше 20 лет; ко второму — осужденные на сроки от 8 до 20 лет; к третьему — от 4 до 8 (ст. 83).

Этим же актом закладываются правовые основы для института досрочного освобождения и системы зачета времени, что является сильным стимулирующим правовременным средством и демонстрирует довольно высокий уровень правовой регламентации (техники) отбывания наказания.

Срокам стало отдаваться приоритетное значение при оценке исправления преступ-

ника. Как отмечал И.Я. Фойницкий, фактически критерии исправления не действовали, а перевод из отряда испытуемых в отряд исправляющихся осуществлялся исключительно по формальному признаку, т.е. с учетом сроков пребывания в качестве испытуемых²³. По мнению С.В. Познышева, отряды испытуемых и исправляющихся в глазах тюремной администрации получали значение каких-то формально представленных категорий, через которые механически единообразно должны проходить арестанты, почти вне всякой зависимости от характера перемен в их нравственном мире²⁴.

Конечно, неразвитость законотворческого процесса не способствовала закреплению надежно верифицируемых критериев исправления, но тем не менее регулирование продолжительности наказания с системой зачета времени уже можно считать огромным шагом вперед в уголовной политике, а также определенной гарантией для заключенных, к которой законодатель пришел спустя столетия с момента появления лишения свободы.

Стоит также отметить, что фактически мало кто из ссыльных отбывал полностью свой срок. Как правило, ссыльный, зарекомендовавший себя примерным поведением, послушанием, а также старательным трудом, т.е. при наличии признаков исправления, подпадал под действие указов, существенно сокращавших сроки отбывания наказания. Например, манифест в ознаменование коронации Александра III (1883) сокращал назначенный законом для причисления ссыльно-поселенцев в крестьяне десятилетний срок, уменьшал на одну треть срок каторги, а бессрочную каторгу заменял срочной на 20 лет²⁵.

Во многом эти положения были развиты в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. — деление лишения свободы в нем на значительное количество видов, имевших срочный характер; более того, каждый из них содержал целую систему сроков (ст. 19, 34).

В целом же устрашение как основной атрибут лишения свободы XVII–XVIII вв. заменяется в XIX в. частным предупреждением и исправлением. Укрепляются норма-

²¹ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1. С. 307.

²² См.: Познышев С.В. К вопросу о преобразовании нашей каторги. М., 1914. С. 3.

²³ См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 291.

²⁴ См.: Познышев С.В. Указ. соч. С. 11.

²⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1886. Собр. 3-е. Т. III. Ст. 1586.

тивные гарантии прав лишенных свободы. Усиливаются стимулы к правопослушному поведению арестантов в виде льготного исчисления срока наказания. При этом складывается довольно сложная система классификации осужденных и сроков в отбывании наказания в каждом из указанных учреждений. Можно уже говорить, что к концу XIX в. были заложены основы для появле-

ния таких новых правовременных регуляторов, как условное осуждение и досрочное освобождение. Этому способствовало, в частности, изменение государственной политики: от использования осужденных и их изоляции переход к их исправлению, что генетически связано с регуляторской продолжительности наказательного воздействия.

Литература

1. Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905.
3. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М., 1941.
4. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. М., 1904.
5. Калачов Н.В. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. М., 1842. Т. 2.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. Т. 2. М., 1988.
7. Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009.
8. Ольховик Н.В. Режим испытания при условном осуждении : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003.
9. Пионтковский А.А. Избранные труды. В 2 т. Т. I. Казань, 2004.
10. Познышев С.В. К вопросу о преобразовании нашей каторги. М., 1914.
11. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1886. Собр. 3-е. Т. III.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830.
13. Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. СПб., 1830.
14. Развитие уголовного права в XV — первой половине XVII вв. М., 1986.
15. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар, 1999.
16. Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2.
17. Сидоркин А.И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв.: Проблемы правового регулирования, систематизации и применения : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2005.
18. Суворов Н.С. О церковных наказаниях. СПб., 1876.
19. Таганцев Н.С. О повторении преступлений. СПб., 1867.
20. Филиппов А. О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой. М., 1891.
21. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб., 1889.
22. Числов П.И. История русского права московского и петербургского периодов. М., 1902.
23. Чуприна Л.В. Режим испытания при условном осуждении : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012. 251 с.

Ретроспективный анализ элементов процессуального механизма благоприятствования защите («favor defensionis») в период формирования и укрепления русского централизованного государства

*Соловьев Сергей Александрович,
адвокат, управляющий партнер
Адвокатского бюро города Москвы «СОСЛОВИЕ»,
аспирант кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
soloviev@soslovie-ab.ru*

В статье рассматриваются первичные этапы формирования любого процессуального феномена через призму формирования механизма благоприятствования защите (ответчику) в русском уголовном процессе. Анализируются основные направления формирования первичных протоэлементов этого процессуального режима благоприятствования, их эволюционное движение в отечественном позитивном процессуальном праве, а равно дается краткий анализ причин возникновения такого специфического комплекса правовых средств через рассмотрение права как элемента культуры государства в конкретный временной период. Отдельно обращено внимание на формирование публичного начала в уголовном судопроизводстве в этот исторический период и его влияние на зарождение отдельных составных частей процессуального механизма «favor defensionis».

Ключевые слова: право, закон, уголовный процесс, судопроизводство, процессуальный режим, благоприятствование защите, публичное начало, государство, Петр Великий, Судебник, Соборное Уложение, Уставы.

Retrospective Analysis of the Elements of Favor Defensionis during the Formation and Strengthening of the Russian Centralized State

*Solovyov Sergey A.,
Attorney, Managing Partner
of the Moscow Law Firm “SOSLOVIE”
Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure Law
of the Kutafin Moscow State Law University*

The article discusses the primary stages of formation of any procedural phenomenon, through the prism of the formation mechanism of favored protection (to the Respondent) in the Russian criminal process. Analyzes the main directions of formation of the primary proto-elements of this procedural regime favored their evolutionary positive movement in domestic procedural law, as well as provides a brief analysis of the causes of such a specific set of legal tools, through examination of law, as part of the culture of the state in a specific time period. Separately drawn attention to the formation of public interests in criminal proceedings in this historical period and its influence on the emergence of individual components of the procedural mechanism of “favor defensionis”.

Key words: Law, criminal procedure, judicial proceedings, procedural regime favored the defense, public start, the state, Peter the great, code of laws, the Sobornoe Ullozhenie, Statutes.

Функциональная характеристика права, устанавливающая особый порядок правового регулирования и формирующая очевидную степень благоприятности или неблагоприятности, в теории права рассматривается через категорию процессуальной формы — процессуальный режим¹, который, в свою очередь,

определяется правоведами как установленный законодателем особый порядок регулирования, представленный специфическим комплексом правовых средств... сочетающий в себе стимулирующие и ограничивающие элементы и создающий тем самым конкретную степень благоприятности или неблаго-

¹ См.: Павлушина А.А. Юридический процесс: общее и особенное: Уголовное судопроизводство:

теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Издательство «Юрайт», 2011. С. 52.

приятности для целей реализации субъектами прав своих интересов².

Правовой феномен «благоприятствование защите», будучи искусственно привнесенным в древнеримские источники права «средневековыми комментаторами римского уголовного процесса»³ (в большей степени немецкими и итальянскими), имеет в структуре своего появления некий собирательный образ, когда любое предусмотренное законом благоприятствование стороне, против которой было выдвинуто обвинение, стало аккумуляроваться в некий общий механизм процессуального регулирования, коим и стал *favor defensionis* — благоприятствование защите⁴.

В русском направлении уголовно-процессуальной науки терминология *favor defensionis* — благоприятствование защите — как некая индивидуально выделенная концепция практически не применялась, а составляющие ее элементы стали предметом рассмотрения и соответствующей процессуальной регламентации отдельных ученых-процессуалистов лишь к концу XVIII — началу XIX века.

Это обстоятельство очевидно вписывается в известную концепцию, что право есть элемент культуры человечества, обусловленное своим появлением лишь тогда, когда общество достигает определенного уровня развития⁵.

Историческое формирование отечественного уголовного судопроизводства развивалось, как справедливо указывал Ф.В. Таранов-

ский, «путем прецедентов и практического приспособления»⁶.

Конструктивные элементы защиты от уголовного обвинения, зародившись в глубокой древности, фактически стагнировали на протяжении многих последующих веков. Права защищающейся от обвинения стороны наполнялись различным содержанием в зависимости, как писал Р. Иеринг, от «степени умственной и нравственной культуры народа, уровня развития идеи государственной власти, социального расчленения народа... но главным образом от нравственного силы, которой пользуется идея права у данного народа»⁷.

Фактически существовавшая в Древней Руси презумпция виновности привлеченного к уголовно-правовому ответу лица не предусматривала не то что каких-либо привилегий ему, а, напротив, была сформирована по такому механизму, при котором опасность неудачи в деле установления право-важного обстоятельства⁸ всем своим весом лежала на обвиняемом⁹. В большей степени «деятельность» подозреваемого в условиях уголовного судопроизводства Древней Руси можно назвать самозащитой от обвинения¹⁰. Взять

⁶ См.: Тарановский Ф.В. История русского права : монография / Ф.В. Тарановский; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М. : Зерцало, 2004. С. 13.

⁷ Рудольф фон Иеринг. Указ. соч. С. 31.

⁸ См.: Яблочков М.Т. «Бремя утверждения» (*onus proferendi*) в гражданском процессе. Петроград : Типография Бр. В. и И. Линник, 1916. С. 5.

⁹ Так, например, ст. 18 Пространной редакции Русской правды предусматривала для отведения ложного обвинения в убийстве обязанность обвиняемого выставить не менее семи послухов — свидетелей доброй жизни обвиняемого, а статья 22, определявшая пределы применения ордалий в уголовном процессе при отсутствии поличного, давала указание на то, что «железо и воду дати тому из неволи», что свидетельствовало о том, что ордалиям подвергался именно обвиняемый. См.: Российское законодательство X–XX веков. Том 1. Законодательство Древней Руси. С. 65, 91–93.

¹⁰ В то время как признание обвиняемого, по словам В.Д. Спасовича, представляло собой суррогат судебного решения, самоосуждение обвиняемого, превращение спорного дела в бесспорное. Так, средневековые юристы говорили: *probatio liquidissima, regina probationum* (лат.) — признание — это королева доказательств, а достовернейшим из свидетелей считали самого сознающего виновного. См.: Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула : АВТОГРАФ, 2000. С. 24, 38 (В этой связи стоит отметить, что весьма часто приписываемая А.Я. Вышинскому

² См.: Родионов О.С. Механизм установления правовых режимов российским законодателем : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 38.

³ См.: Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявления в современном уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 9–11.

⁴ См.: Михеенкова М.А. Указ. соч. С. 9 ; Соловьев С.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*), как безусловное соблюдение реального, а не декларативного равенства в процессе. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции 20–21 марта 2015 года по теме «Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве». II часть. СПб. : ИД «Петрополис», 2016. С. 182–186.

⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков. Том 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома В.А. Янин. М. : Юридическая литература. С. 5.

хотя бы элемент «гонения следа», при котором присутствие на этом «процедурном» действии конкретного представителя общины создавало в отношении него некую квазипрезумпцию невиновности, эдакое субъективно-общинное алиби относительно того преступления, за совершение которого ищется по «следу» реальный виновный¹¹.

Формирование и укрепление русского централизованного государства в период с XIV века по XVI век внесло изменения и в механизмы отправления уголовного судопроизводства, так как в указанный период в связи с обострениями противоречий феодального общества уголовная юстиция стала менять курс с частного характера уголовного обвинения на публичный, и преступлениями дополнительно стали считаться всякие действия, которые так или иначе угрожали государству или господствующему классу, и в этой связи запрещались законом¹².

В этот же период фактически начинается формирование нового типа судопроизводства — розыска, который в конечном итоге приведет за собой необходимость формирования в отечественном уголовном судопроизводстве и элементов благоприятствования защите. При этом автор не склонен считать такую позицию изрядным допущением. Суть всякого поступательного развития общества, а равно и науки в этом обществе, всегда характеризуется диалектическим взаимодействием двух противоположных процессов, то есть дифференциацией, что *a priori* влечет за собой выделение новых дисциплин, институтов, феноменов, которые при зарождении начальной формы вроде и не просматривались в целях и обоснованиях ее возникновения. Такой методологический подход к оценке исторических обстоятельств, послуживших, по мнению автора, формированию в широком смысле процессуально-правового феномена «*favor defensionis*», позволяет максималь-

фраза о признании обвиняемого как о царице доказательств имеет существенно более древние корни. — *Авт.*)

¹¹ См. подробнее: Григорян В.А. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления. Саратов, 2012. С. 7–9.

¹² См.: Российское законодательство X–XX веков. Том 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. С. 27.

но широко и всесторонне увязать прошлое с настоящим и прогнозируемым будущим: так как выявить характерные черты между разными науками, уровнями их развития — значит прогнозировать решение этих задач если не сейчас, то в отдаленной перспективе. И. Кант писал, что «старшее поколение трудится в поте лица, как будто исключительно ради будущих поколений, а именно для того, чтобы подготовить им ступень, на которой можно было бы выше возводить здание, для построения которого работал длинный ряд предшественников»¹³.

Так, уже в Судебнике 1497 года впервые формулируется правило подсудности (ст. 2), обусловленное различной компетенцией у судей. Эволюционная трансформация этого правила приведет к формированию современного элемента благоприятствования защите, заключающегося в конституционном принципе о невозможности лишения обвиняемого права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (часть 1 ст. 47 Конституции РФ, часть 3 ст. 8 УПК РФ). Отнесение этого элемента к конструкции процессуального механизма благоприятствования защите обусловлено конкретной принадлежностью этого права исключительно подсудному.

Расширил Судебник и институт представительства, причем в ряде случаев с элементами благоприятствования стороне ответчика. Так, статья 49 Судебника 1497 года указывала на исключительное право ответчика прибегнуть к помощи наймита, в то время как послуху истца в таком праве было отказано («*a послуху наймита нет*»)¹⁴.

Судебник 1550 года как законодательный акт сословно-представительной монархии продолжил тенденцию усиления роли административного аппарата и государства в целом при отпадении уголовного судопроизводства.

Впервые в нем был обрисован силуэт тезиса о недопустимости отмены положительного для ответчика решения, который, надо отметить, не выдержал испытания временем, ибо

¹³ См.: Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане, 1784 // Соч. В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 10.

¹⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков. Том 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. С. 60, 86.

так и не был в современном российском процессуальном праве окончательно нормативно сформулирован. Так, ст. 7 Судебника указывала, что вынесенное с соблюдением установленной подсудности определение об отказе в иске считалось окончательным. Повторные же действия жалобщика по «*бити челом и докучати государю*» карались тюремным заключением¹⁵.

В качестве архаичного элемента благоприятствования защите можно рассматривать и статью 20 Судебника 1550 года, которая устанавливала запрет на выход за рамки предьявленного лицу обвинения, что в настоящий момент нашло свое нормативное закрепление в ст. 252 УПК РФ¹⁶.

Соборное Уложение, принятое на Земском соборе 1649 года, с точки зрения практического формирования каких-либо протоэлементов современного уголовного судопроизводства оцениваться не может. Историческая и эволюционная парадигма того времени не способствовала формированию каких-либо, пусть даже архаичных, составляющих сегодняшнего уголовного процесса. Исключение составляет разве что формирование прообраза правила на отвод судьи как со стороны истца, так и со стороны ответчика¹⁷, что, с учетом принадлежности этого права обеим сторонам уголовного спора, исключает возможность его отнесения к элементам благоприятствования одной из сторон.

Однако с диалектической точки зрения Соборное уложение фактически поло-

жило начало признаку публичности в системе уголовной юстиции. Государство стало считать себя непосредственно заинтересованным в делах уголовных или «так называемых *губных*»¹⁸, более того, в «смертных делах» государство (царь) готово было взять на себя роль истца¹⁹. Этот переворот в системе уголовного судопроизводства стал фактически стартовой площадкой для последующего формирования системы отправления уголовной юстиции в Российском государстве, неким эволюционным катализатором для видоизменения ее типа и формы построения. Подлинным истцом становится не конкретный жалобщик, сообщивший о преступлении, а само государство, «собственным начинанием преследующее преступника»²⁰.

Воинский Устав 1716 года, изданный Петром Великим, отдельными своими элементами уже направлен на защиту личности, вовлекаемой в орбиту уголовного процесса. Очевидно, что это обстоятельство в большей степени явилось проявлением активного заимствования текста из немецкого законодательства и судебной саксонской практики, а равно его основу также составляли шведские артикулы Густава Адольфа в их обработке 1683 года, как писал Н.С. Таганцев, с изменениями и отступлениями в сторону большей суровости, которые формировались путем заимствований из разнообразных европейских законов, куда входили и имперские немецкие законы, датские и голландские Уголовные Уставы, а также ордонансы Людовика XIV²¹.

В этой связи стоит согласиться со В.Д. Спасовичем, который говорил, что «заимствование готовых форм и перенесение их с одной почвы на другую оказываются всегда безуспешными, потому что скопировать форму можно, но дух, содержание учреждения не передаются от народа к народу, а они-то и составляют главное»²². Однако сам факт высшего соизволения, которым, в частности, ограничивалось использование пытки в достижении целей уголовного судопроизводства, не может не вызывать позитивного

¹⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков. Том 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. С. 98, 132.

¹⁶ Там же. С. 100, 136.

¹⁷ Так, статья 3 Соборного Уложения 1649 года регламентирует: «А будет которой судья исцу будет недруг, а ответчику друг или свой, и о том истец учнет бити челом государю до суда, что ему перед тем судьей искати не мощно, также будет и ответчик до суда же учнет бити челом, что исцу его судья друг или свой и отвечать ему перед тем судьей не мощно, и тех исца и ответчика тому судии, на кого будет такое челобитье, не судити, а судити их иному судии, кому государь укажет.» // Соборное Уложение 1649 года. Электронный ресурс. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%83%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_1649_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B0_X

¹⁸ См.: Спасович В.Д. Указ. соч. С. 26.

¹⁹ «А не будет в смертном деле челобитчика, а таким делам бывает истец сам царь». Цит. по: Спасович В.Д. Указ. соч. С. 26.

²⁰ См.: Спасович В.Д. Указ. соч. С. 33.

²¹ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Том 1. М.: Наука, 1994. С. 101.

²² См.: Спасович В.Д. Указ. соч. С. 71.

отношения к этому маленькому шагу в направлении защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, коими явились Воинские Уставы 1716 года.

Помимо позитивного видоизменения государственного отношения к попытке Воинским Уставом формируется и ряд процессуальных элементов, которые впоследствии станут безусловными составными частями процессуального механизма *favor defensionis*. Среди таковых — запрет неочевидцу свидетельствовать по молве и слуху, что в современном процессе сформировалось в правило о недопустимости как доказательства обвинения показаний свидетеля, который не может сообщить об источнике своей осведомленности либо если его показания основаны на догадке, предположении, слухе (п. 2 части 2 ст. 75 УПК РФ).

Впервые формирует Воинский Устав обязательную необходимость совокупности доказательств для признания лица виновным. Одного доказательства, при непризнании вины обвиняемым становится недостаточно, а свидетельских показаний для изобличения лица должно быть не менее двух. Одновременно с этим в данном нормативном акте периода абсолютизма формулируется важнейший тезис презумпции невиновности, включающий в себя правило, что «лучше есть десять виновных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить» (ч. II, гл. V § 9)²³.

В развитии нормативного урегулирования уголовно-процессуальных отношений в 1723 году издается Указ, озаглавленный «О форме суда», которым фактически предусматривается возможность состязательной защиты ответчика от обвинительных доводов истца²⁴, что также свидетельствует о пер-

воначалах изменений в форме отправления уголовного судопроизводства в государстве.

Однако очевидно, что средневековые уголовно-правовые конструкции не могли побороть феодальную монархию. Философские концепты конца XVII — начала XVIII века стали менять парадигму. Работы Ч. Беккария (1738–1794) «О преступлениях и наказаниях», Монтескье (1689–1755) «О духе законов», социально-философские труды Ж.Ж. Руссо (1712–1778), Антони Коллинза (1676–1729), Гольбаха (1723–1789) Франсуа Мари Аруэ (1694–1778) (больше известного под псевдонимом Вольтер) и многих других способствовали в том числе преобразованию и гуманизации существующих форм и методов уголовного судопроизводства. Новой эрой уголовного процесса назвал этот период В.К. Случевский²⁵. Во главу угла стала ставиться личность человека. Развитие и формирование уголовного судопроизводства в России не могло остаться в стороне от такого изменения акцентов в системе уголовного юстиции. В общественном мнении, как верно указывает В.Д. Спасович, «явилась мысль о необходимости преобразования уголовного судопроизводства в направлении **благоприятнейшем** (выделено авт.) для личности, о введении в процесс, основанный единственно на начале государственной пользы, идеи личности и элементов обвинительных»²⁶.

таким образом, призвав ответчика пред суд, и ему самому отдать оной список; на котором пометить всем судящим число, в котором стать к суду, дабы неделя полная та копия в ответчиковых руках была (кроме тех дней, в которые поруки по себе собирать будут) и взять у него реверс, что он копию получил и должен на положенной срок к суду стать без всякой оговорки.» Электронный ресурс. URL: <http://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iay/ist/gos/prav/sss/23.htm>

²³ Цит. по: Спасович В.Д. Указ. соч. С. 32.

²⁴ «5. Надлежит прежде суда (кроме сих дел; измены, злодейства, или слов противных на Императорское Величества и Его Величества фамилию и бунт) дать список ответчику с пунктов, поданных от челобитчиков, для ведения ко оправданию,

²⁵ См.: Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть I. Судостроительство / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2014. С. 51.

²⁶ См.: Спасович В.Д. Указ. соч. С. 63.

Литература

1. Григорян В.А. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления. Саратов, 2012. 142 с.
2. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане, 1784 // Соч. В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.
3. Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявления в современном уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 232 с.
4. Павлушина А.А. Юридический процесс: общее и особенное. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Издательство «Юрайт», 2011. 1038 с.

5. Родионов О.С. Механизм установления правовых режимов российским законодателем : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 27 с.
 6. Российское законодательство X–XX веков. Том 1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома В.Л. Янин. М. : Юридическая литература, 1984. 432 с.
 7. Российское законодательство X–XX веков. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. М. : Юридическая литература, 1985. 520 с.
 8. Рудольф фон Иеринг. Юридическая техника / сост. А.В. Поляков. М. : Статут, 2008. 231 с.
 9. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть I. Судоустройство / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М. : Зерцало-М, 2014. 398 с.
 10. Соловьев С.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*), как безусловное соблюдение реального, а не декларативного равенства в процессе. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции 20–21 марта 2015 года по теме «Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве». II часть. СПб. : ИД «Петрополис», 2016. С. 182–186.
 11. Спасович В.Д. Избранные труды и речи / сост. И.В. Потапчук. Тула : Автограф, 2000. 496 с.: ил. (Юридическое наследие).
 12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Том 1. М. : Наука, 1994. 380 с.
 13. Тарановский Ф.В. История русского права : монография / Ф.В. Тарановский; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М. : Зерцало, 2004. 238 с.
 14. Яблочков М.Т. «Бремя утверждения» (*onus proferendi*) в гражданском процессе. Петроград : Типография Бр. В. и И. Линник, 1916. 41 с.
-

Оппортунистическое поведение представителей аппарата управления в XVII в. : следование закону или личный интерес?

*Космовская Анна Алексеевна,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Пермской государственной фармацевтической академии (ПГФА),
кандидат исторических наук
agnetha@nm.ru*

В статье рассматриваются основные формы оппортунистического поведения представителей власти в XVII в. на Урале и в Сибири. Автор обосновывает положение о том, что, несмотря на отмену системы кормлений в середине XVI в., воеводы активно злоупотребляли своим служебным положением. В статье охарактеризовано оппортунистическое поведение воевод по отношению к центральной власти и управляемому населению уездов Пермского Прикамья и Сибири.

Ключевые слова: воеводское управление, Пермское Прикамье, военные функции воевод, управление.

Opportunist Behavior of Administrative Staff in the XVII Century: Adherence to the Law or Personal Interest

*Kosmovskaya Anna A.,
Assistant Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines
of the Perm State Pharmaceutical Academy,
Candidate of Historical Sciences*

The article discusses the main forms of opportunistic behavior of the authorities in the XVII century in the Urals and Siberia. The author substantiates the position that, despite the abolition of the feeding system in the middle of the XVI century, the magistrates are actively abusing his official position. The paper is characterized by opportunistic behavior of the governor in relation to the central government to control the population and counties Perm Prikamye and Siberia.

Key words: military and civil managements, voivode authority, management, Perm Prikamye.

Применение инструментария институциональной теории дает возможность специалистам исследовать процессы зарождения и развития управленческих институтов в их многообразии и сложности, обосновать, как столь «неэффективные» приказы и воеводские избы обеспечивали систему управления в Российском государстве на протяжении нескольких веков. Включение институтов в научную теорию позволяет представителям общественных наук, а также экономической науки критически взглянуть на поведенческие модели, лежащие в основе этих дисциплин, чтобы затем систематически изучать влияние несовершенной переработки информации на поведение «актеров»¹, проанализировать эффективность существования той или иной формы управления. Одним из интересных направлений исследований представляется анализ оппортунистического поведения представителей аппарата управления в XVII в. на Урале и в Сибири.

Под оппортунизмом Оливер И. Уильямсон понимает «следование своим интересам, в том числе обманом путем, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими»². В науке под оппортунизмом также подразумеваются разнообразные формы обмана, которые могут проявляться в активной и пассивной форме, «ex ante и ex post».

Рассмотрим основные формы оппортунистического поведения представителей власти в XVII в., выбрав в качестве объекта исследования воевод Урала (территории Пермского Прикамья) и Сибири. Ввиду отдаленности данных территорий от центральных приказов и сложности контроля управленцев, воеводы активно злоупотребляли своими полномочиями. В литературе представлены разнообразные классификации оппортунистического поведения. Перечисление их, учитывая контекст статьи, не представляется значимым, поскольку применительно к системе управления Российским государством в XVII в. нет подобных исследований.

Автором предлагается разделение форм оппортунистического поведения воевод на два вида. Оппортунистическое поведение во-

евод по отношению к управляемому населению уезда проявляется в следующих формах:

- выражение личных симпатий при распределении работ, вознаграждений по результатам труда, назначение на должность;
- кормление воевод, прием «поминок» и «посулов»;
- получение взяток от местного населения для решения проблем в пользу определенной категории;
- поручение большего объема работ, не соответствующего обязанностям населения на данной территории (особенно это касалось ямской гоньбы и устройства ямов);

К формам оппортунистического поведения воевод в отношении центральной власти относятся:

- сбор налогов не полностью, постоянные недоимки и недоборы;
- притеснение местного населения, в том числе в тех случаях, когда воеводы пользовались незнанием законов, неграмотностью жителей определенного уезда;
- халатность при мнимом исполнении всех норм и правил;
- использование служебного положения;
- мошенничество;
- игнорирование судебных указов;
- решение вопросов о земельных участках или промыслах в пользу богатых местных жителей.

Эволюционная теория обосновывает вывод о том, что с течением времени эффективные институты выживают, а неэффективные — отмирают. Институт коррупции на протяжении всей истории Российского государства был очень силен, при этом, на взгляд автора, на протяжении своей истории не испытывал значительных спадов. Борьба с коррупцией никогда не прекращалась, принимая различные формы противостояния оппортунистическому поведению представителей власти, в случае выбранного объекта исследования — воеводской власти на Урале и в Сибири.

Высшие государственные чины рекрутировались в основном из боярства. Нетитулованные ряды занимали посты второго ряда³. Сама должность воеводы предполагала злоупотребление властью с целью получения

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 142.

² Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS, 1993, вып. 3. С. 43.

³ Трифонов В.А. К вопросу о периодизации законодательства, регулирующего доступ к государственной службе в Российском государстве // История государства и права. 2016. № 4. С. 22.

материальных благ. Получить назначение в город можно было, явившись в приказ с подписной челобитной или на основании царского указа.

Рассмотрим первую форму противодействия оппортунистическому поведению воевод со стороны местного населения. Разумеется, эта возможность существовала с разрешения правительства. Насколько охотно высшая власть реагировала на сообщения с мест о злоупотреблениях и притеснениях воевод, иллюстрирует содержание челобитных и грамот в центр.

Урал в XVII в. и Сибирь в XVII–XVIII вв. представляли собой окраинные территории, на которых традиционным источником дохода казны (и воевод) являлся сбор ясака. В Сибири были широко распространены нарушения воевод при сборе ясака. О.П. Еланцева, О.Ю. Шаходанова приводят материалы фонда Сибирского приказа «Дело по челобитной березовских ясачных людей на воеводу Алексея Плещеева в обидах и взятках»⁴. Из текста челобитной следует, что в 1633 г., по приезде в город Березов воевода Алексей «брал у кого бобра, лисицу, добрых соболей и на их подводах служилых людей отправлял по своим корыстовым делам...»⁵. Также воевода посылал собирать ясак березовских служилых людей, которые, конечно, также имели свои цели: брали себе дополнительно по десять белок и больше, вследствие чего ясачные люди вынуждены были влезать в долги.

На Урале, в частности в Пермском Прикамье, ситуация выглядела сходным образом. Несмотря на то, что ясачное население притеснять было запрещено и часто власти придерживались правительственных распоряжений на этот счет, далеко не всегда воеводы соблюдали все правила. А.А. Дмитриев пишет, что до 1599 г. местные народы платили ясак в Чердынь, но с основанием Верхотурья и его уезда они оказались в черте нового уезда, почему и были приписаны к Верхотурью. «Верхотурские сборщики ясака стали доправлять с инородцев значительно больше куниц, нежели прежние чердынские ясачни-

ки, что вызвало в 1605 г. челобитную Сылвенских и Иренских Остяков Акилдейка Ондре-ева с товарищи... В челобитной обиженные просили царя о дозволении платить ясак по-прежнему в Пермь Великую...»⁶. Подобным образом обращались верхотурские сборщики ясака и с вишерскими вогуличами. В 1607 г. они отправили в Москву, к царю Василию Ивановичу, челобитную со своим десятником Бурундуком Авиным с жалобой на верхотурских ясачников. В результате им было позволено платить ясак в Пермь Великую. Уступка, сделанная царем Василием Шуйским вишерским вогуличам в 1607 г., привела к тому, что на следующий год ее пришлось распространить и на сылвенских и иренских вогуличей, остяков и татар.

Во второй половине XVII в. типичной проблемой становится сбор дани с татар, которые жили в южной части Пермского Прикамья. В грамоте князя Федора Алексеевича в Кунгур воеводе Семену Ивановичу Толстово написано, что «в Кунгурском уезде [с] Сылвенских, Иренских, Шахвинских, Бабинских татар» нужно собрать недостающие деньги и «...доправля... денги послать к нам великого государя к Москве»⁷.

Особыми административными единицами Сибири были ясачные волости⁸. В конце XVII в. центральная власть заботилась о недоборах и о том, чтобы недавно вошедшие в состав Российского государства народы исправно платили всю дань. Воеводе Семену Ивановичу Толстово предписывалось, что он должен «с Кунгура и Степанова городища... на нынешней год данные пооброчные и полонянные и убрусные и венешные денги и сметной список выслал денги с целовальником сметной список с подьячим с татар кунишной ясак по оброчные денги»⁹. Воевода должен был собрать и выслать к Москве ясак «тотчас», а также недобор, появившийся в прошлые годы. Вероятно, недобор появлялся также вследствие недобросовестной работы царских чиновников.

⁶ Дмитриев А.А. Пермская старина. Выпуск VII. Пермь, 1897. С. 14.

⁷ СПИИ РАН. Ф. 75. Оп. 1. Акты Кунгурского уездного суда, д. 47, л. 9.

⁸ Коновалов И.А. Основные черты государственной политики в отношении коренных народов Сибири в дореволюционный период // История государства и права. 2016. № 8. С. 7.

⁹ СПИИ РАН. Ф. 75. Оп. 1. Акты Кунгурского уездного суда, д. 55, л. 10.

⁴ Еланцева О.П., Шаходанова О.Ю. Злоупотребления сибирских воевод на материалах РГАДА // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 113.

⁵ Цит. по: Еланцева О.П., Шаходанова О.Ю. Злоупотребления сибирских воевод на материалах РГАДА // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 114.

Конечно, челобитные грамоты и сыскные материалы субъективны, потому что составители пытались представить дело в максимально выгодном для себя свете¹⁰. Но в любом случае данные документы позволяют сделать вывод о повсеместном злоупотреблении воевод при сборе ясака. Такой рычаг воздействия на власть, как грамоты местного населения в центр, отличались разнообразием. Они могли быть личными и коллективными. Часть из грамот оставалась без рассмотрения, теряясь в хитросплетениях приказов XVII в. Исследуем реакцию на ту часть, которая становилась предметом рассмотрения правительственных чиновников в центре. Тут возможны были два варианта: воеводе объявлялся условный выговор, а также угроза штрафом и доправой «на нем». Реальных санкций не следовало. Во втором случае воеводу перемещали в другой город ниже рангом. Учитывая возможности воевод в деле получения «кормов», даже реальный штраф не останавливал их от злоупотреблений своей властью. В случае поступления коллективной грамоты вероятность успеха была выше.

Правительство пыталось ограничить права посадских и крестьянских «миров» (возможности совершения поземельных сделок, наступление на экономические привилегии), а также наделить старост и целовальников дополнительными полномочиями, шедшими вразрез с интересами населения. Недовольство центрального правительства вызывало неумение или нежелание воевод добросовестно взаимодействовать с «миром» и выполнять свои обязанности. Кабацкие и таможенные книги было принято высылать с головами и целовальниками. Воевода Дорофей Емельянович Астафьев пренебрег правилами, после чего ему в грамоте от 3 мая 1640 г. запретили «на будущее время посылать в Москву кабацкие и таможенные книги и денежную казну с наемными мужиками»¹¹.

Результатом сопротивления «миров» были восстания, подробно освещенные в работе В.А. Александрова и Н.Н. Покровского¹². В Томске в 1648–1649 гг. восставшие, аресто-

вав царского воеводу князя Осипа Щербатого, управляли городом целых 16 месяцев. Потом восставшие добровольно передали управление присланному из Москвы новому воеводе. Авторы отмечают тот факт, что все это время в городе действовало мирское самоуправление, при этом исправно действовали все городские службы — таможенная, финансовая, сбор и отправка ясака. Москва исправно выплачивала денежное, хлебное и соляное жалование восставшему городу¹³. В Сибири выступления против власти случались и до знаменитого Томского восстания. Н.Н. Оглоблин писал о том, что причиной первого из них, относящегося к 1637–1638 гг., явились злоупотребления воевод. «Московская администрация боролась с самостоятельностью служилых людей, что, по мнению исследователя, показывает неординарность причин бунта»¹⁴. Н.Н. Покровский также считает, что представители «мира», игравшие основную роль в томских бунтах, принадлежали к различным сословным группам, но, несмотря на это, они объединялись и подавали челобитные о злоупотреблениях воевод¹⁵.

В Пермском Прикамье интересны эпизоды взаимодействия А.В. Ростовщикова (солепромышленника), Строгановых, воеводы Соликамска и «мира». Конфликт описывает исследователь М.В. Богданов¹⁶. А.В. Ростовщиков сблизился с Г.Д. Строгановым. Во время спора за землю, на котором располагался Ленвенский соляной промысел братьев Шустовых и Остафия Филатьева, он поддержал притязания Строганова и встал на его сторону против соликамских посадских. За это А.В. Ростовщиков был в 1697 г. не в очередь избран соликамцами таможенным головой в

Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1991. С. 141.

¹³ Покровский Н.Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/pokrov1.shtml>

¹⁴ Силаева И.А. Томские бунты XVII в. в оценках Н.Н. Оглоблина [текст] // Вопросы исторической науки : материалы международной науч. конференции (г. Москва, январь 2012 г.). М. : Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 25.

¹⁵ Покровский Н.Н. Начальные челобитные Томского восстания 1648–1649 гг. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 77.

¹⁶ Богданов М.В. Соль Соликамска. Соликамск, 2010. С. 46.

¹⁰ Еланцева О.П., Шаходанова О.Ю. Злоупотребления сибирских воевод на материалах РГАДА // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 113.

¹¹ СПИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. Акты Соликамские, д. 714, л. 1.

¹² Александров В.А. Власть и общество. Сибирь в XVII в. / В.А. Александров, Н.Н. Покровский.

другой город в Сибири. Он обвинил земского старосту и посадских людей в фальсификации мирского выбора и опротестовал это решение. Начавшееся в связи с этим дело было решено в пользу Александра Ростовщикова. «Миры» потеряли поражение.

Теперь обозначим способы борьбы с воеводским произволом со стороны центральной власти. Не стоит думать, что руководство пребывало в неведении о деятельности воевод. Правительству на протяжении всей истории существования воеводского управления пыталось бороться с грабительской практикой воевод. Возможности борьбы иллюстрируют следующие события в истории воеводского управления. К примеру, прикамские воеводы оказывались в сфере внимания таможенных голов, когда сами проходили таможенный досмотр.

Во второй половине XVII в. центральная власть внимательно следит за недоимками. В д. 88 Актов Кунгурского уездного суда описывается стандартная ситуация по недобору. Были посланы «...с кунгурским посадским Якушкой Загаиновым окладные книги да наличных денег сорок четыре рубли три алтына две денги и... в приказ наши Великого государя большие казны». В той же грамоте отмечалось, что «с Кунгура десятой денги недобрано сорок один рубль три алтына две денги против прошлого года»¹⁷. Далее в грамоте проясняется, что «из кунгурских окладчиков у Осипа Шестакова с товарищи недобор учинился того он Якушко не отдает потому что те окладные книги к Москве с Кунгура посланы с ним, а окладчик с ним не послан, а... велено тебе окладчиков с окладными денгами выслать к нам Великого государя к Москве и ты окладчика Осипа Шестакова с товарищи с нам Великому государю не выслал и за то... на тебе доправить пеня что чинишь ты не по нашему Великого государя указу знато для своей бездельной корысти и взять...»¹⁸. Таким образом, отмечается, что воевода из личной корысти не способствует сбору податей, а, наоборот, препятствует этому. В результате на воеводе были доправлены пени за плохое исполнение обязанностей управляющего.

¹⁷ СПИИ РАН. Ф. 75. Оп. 1. Акты Кунгурского уездного суда, д. 88, л. 1.

¹⁸ СПИИ РАН. Ф. 75. Оп. 1. Акты Кунгурского уездного суда, д. 88, л. 1.

Важнейшим законодательным источником XVII в. является Соборное Уложение 1649 г. Например, во избежание притеснения коренного населения воеводами, в «Соборном Уложении» 1649 г., у башкир под страхом конфискации имущества и государевой опалы запрещалось чиновникам и «...всяких чинов русским людям поместным всяких земель не покупать и не менять и в заклад, и сдачею и в наем на многие годы не имать»¹⁹.

В Сибири воеводы нарушали царские указы, запрещавшие местной администрации вмешиваться в вопросы таможенного досмотра. В 1645 г. верхотурский таможенный голова Кирилл Гагунин подал на верхотурского воеводу Максима Стрешнева челобитную, обвиняя его во вмешательстве в таможенные и заставные дела: «На заставу ездит, хотя ему не велено и осматривает яшашную казну...»²⁰. Несмотря на подробную регламентацию таможенных сборов, система к концу XVII в. нуждалась в реформе. В конце XVII в. воевод ограничили в праве устанавливать размеры окладного жалованья приказных служителей.

Целью реформы 1698 г. было сокращение расходов на содержание местного аппарата, и смена критерия отбора подьячих: «которые явятся пьяницы и в приказ ходят мало, и никаких дел не делают и делать не мыслят, и тех подьячих от приказов отставивать»²¹.

Происходит усиление контроля над воеводами со стороны выборных сословных органов и уточнение порядка их взаимодействия. Как показывает Д.А. Ананьев, содействие воевод работе таможни заключалось в предоставлении таможенному голове служилых людей «для сторожи и для розсылки и для обереганья и для ослушников»; приеме изъятых на таможне товаров; вынесении окончательных решений в отношении тех, кто нарушил правила торговли и таможенного досмотра. При этом воеводам не позволялось самостоятельно вмешиваться в работу таможни и выезжать на пограничные заставы, устроенные таможенным головой. В случае самоуправства воеводы таможенный голова имел право жаловаться на него в Москву. В качестве противовеса воеводам центральная

¹⁹ Еланцева О.П., Шаходанова О.Ю. Злоупотребления сибирских воевод на материалах РГАДА // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 113.

²⁰ Там же.

²¹ Цит. по: Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. С. 90.

власть использовала институт выборных таможенных и кабацких голов, с которыми воеводская администрация находилась в постоянном и непосредственном взаимодействии.

Подводя итоги рассмотрению оппортунистического поведения воевод и возможности противодействия им со стороны местного населения, можно сделать вывод о том, что одной из основных форм борьбы со злоупотреблениями администрации являлось поощрение центральной власти местного населения писать челобитные, но реальные меры не предпринимались. В заключение имеет смысл рассмотреть способы минимизации издержек оппортунистического поведения воевод. Со стороны населения могло быть два варианта:

— грамота в центральные органы управления — приказы — с целью пожаловаться на самоуправства воеводы;

— вооруженное восстание.

Со стороны правительства:

— штрафы;

— ограничение власти воевод, в частности, из компетенции воевод, чрезвычайно широкой в XVII в., были изъяты таможенные функции;

— «доправка» недоимок на воеводах;

— понижение в должности (после неудачного управления территорией воевода мог отправиться в менее выгодный и более отдаленный город).

Но, надо признать, методы, которыми правительство и местное население боролось с воеводским произволом, нельзя признать эффективными. Это была одна из главных причин, по которой воеводская власть в начале XVIII в. на Урале сменилась властью губернаторов. В Сибири же воеводы оставались на протяжении XVIII в.

Литература

1. Александров В.А. Власть и общество. Сибирь в XVII в. / В.А. Александров, Н.Н. Покровский. Новосибирск : Наука, Сиб. отделение, 1991. 399 с.
2. Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск : ИД «Сова», 2005. 264 с.
3. Богданов М.В. Соль Соликамска / М.В. Богданов. Соликамск, 2010. 208 с.
4. Дмитриев А.А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. VII: Верхотурский край в XVII в. К 300-летию Верхотурья. Пермь : Типография наследников П.Ф. Каменского, 1897.
5. Еланцева О.П., Шаходанова О.Ю. Злоупотребления сибирских воевод на материалах РГАДА // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 113–115.
6. Коновалов И.А. Основные черты государственной политики в отношении коренных народов Сибири в дореволюционный период // История государства и права. 2016. № 8. С. 7–12.
7. Норт Д. Институты. Институциональные изменения и функционирование экономики / перевод с английского А.Н. Нестеренко; предисловие и научное редактирование Б.З. Мильнера. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
8. Покровский Н.Н. Начальные челобитные Томского восстания 1648–1649 гг. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987.
9. Покровский Н.Н. Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/power/rokrov1.shtml> (дата обращения: 07.09.2016).
10. Силаева И.А. Томские бунты XVII в. в оценках Н.Н. Оглоблина [текст] // Вопросы исторической науки : материалы международной науч. конференции (г. Москва, январь 2012 г.). М. : Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 25–28.
11. СПИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. Акты Соликамские, д. 714, л. 1.
12. СПИИ РАН. Ф. 75. Оп. 1. Акты Кунгурского уездного суда, д. 47, л. 9.
13. СПИИ РАН. Ф. 75. Оп. 1. Акты Кунгурского уездного суда, д. 55, л. 10.
14. СПИИ РАН. Ф. 75. Оп. 1. Акты Кунгурского уездного суда, д. 88, л. 1.
15. Трифонов В.А. К вопросу о периодизации законодательства, регулирующего доступ к государственной службе в Российском государстве // История государства и права. 2016. № 4. С. 21–26.
16. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS, 1993, вып. 3. С. 39–40.

История ценового права России (1965–2016 гг.)

*Зайкова Светлана Николаевна,
заместитель министра промышленности,
транспорта и природных ресурсов Астраханской области,
заместитель председателя Астраханского регионального отделения
Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»,
кандидат юридических наук
snzaikova@rambler.ru*

Автором исследуется история ценового права России, особенности становления российского законодательства в сфере государственного регулирования цен (тарифов) и ценовой политики в зависимости от исторических этапов развития страны. Особое внимание уделяется вопросам формирования государственных органов ценового регулирования, определения целей и задач их деятельности. Вносятся предложения по совершенствованию российского законодательства в сфере ценообразования.

Ключевые слова: история права, государственное регулирование цен, ценовая политика, ценовое право.

History of the Pricing Law in Russia (1965–2016)

*Zaykova Svetlana N.,
Deputy Minister of Industry, Transport and Natural Resources of the Astrakhan Region,
Deputy Chairman of the Astrakhan Regional Branch
of the Russian Public Organization “Association of Russian Lawyers”,
Candidate of Legal Sciences*

The author investigates the history of Russian Price Law, peculiarities of Russian legislation formation in the sphere of state regulation of prices (tariffs) and the price policy depending on the historical stages of the country's development. Special attention is paid to the matters of the state bodies of price regulation formation, defining the objectives of their activity. The author also introduces some motions as to the improvement of the Russian legislation in the sphere of price formation.

Key words: history of law, state regulation of prices, the pricing policy, The Price Law.

Анализируя историю развития управления в сфере регулирования цен (тарифов) в России, можно выделить следующие исторические периоды: зарождение планового ценообразования и создание органов ценового регулирования (1917–1930 гг.); совершенствование системы органов ценового регулирования и усиление контроля за применением цен (1931–1946 гг.); послевоенный период развития планового ценообразования (1947–1964 гг.); реформирование планового ценообразования (1965–1990 гг.); либерализация ценообразования (с 1991 г. по настоящее время). Рассмотрим два последних исторических периода ценового права России¹.

Начало реформе ценового права России 1965 года положило постановление Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и уси-

лении экономического стимулирования промышленного производства»². В постановлении среди основных целей перестройки хозяйственного механизма было обозначено предоставление самостоятельности предприятиям, увеличение их ответственности. В ходе реформы предприятия получили право устанавливать цены и тарифы на отдельные виды продукции (работ, услуг), цены и тарифы на которые не подлежат утверждению вышестоящими органами (п. 74 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 731³).

Государственный комитет по ценам при Госплане СССР имел в своем составе подразделения, образованные как по отраслевому, так и по функциональному принципу: общеэкономический отдел, занимающийся разработкой наиболее общих вопросов построения

¹ Три первых исторических периода ценового права России были рассмотрены в статье «История ценового права России (1965–2016 гг.)».

² СП СССР. 1965. № 19–20. Ст. 153.

³ СП СССР. 1965. № 19–20. Ст. 155.

цен; отдел цен на машины и оборудование; отдел цен и тарифов на коммунальные услуги; инспекция по контролю, издательство «Прейскурантгиз» и др.⁴

Усилиями Государственного комитета по ценам при Госплане СССР в 1966–1967 гг. была проведена самая крупная реформа оптовых цен, утверждено более десяти миллионов новых оптовых цен и создан специализированный Научно-исследовательский институт по ценам при Госкомцен СССР (НИИ цен).

В 1969 г. плановое ценообразование было выделено в самостоятельную область государственного управления⁵. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1969 г. Государственный комитет цен при Госплане СССР был преобразован в союзно-республиканский Государственный комитет цен Совета Министров СССР. В соответствии с Положением о Государственном комитете цен Совета Министров СССР, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 14 июня 1971 г. № 379⁶, Комитет являлся союзно-республиканским органом, осуществляющим руководство работой по ценообразованию и обеспечивающим единство политики цен в стране и контроль за соблюдением государственной дисциплины в этой области. На Государственный комитет цен Совета Министров СССР была возложена ответственность за проведение ценовой политики, организацию и состояние работы по ценам в стране, а также за обоснованность утверждаемых им цен и тарифов. Постоянная и планомерная деятельность Государственного комитета цен Совета Министров СССР по управлению в сфере ценообразования имела все признаки государственного управления — это была исполнительно-распорядительная деятельность по применению законов и иных нормативных правовых актов в сфере ценообразования.

Административное правотворчество Комитета заключалось в том, что он в пределах своей компетенции разрабатывал и издавал постановления об утверждении цен, тарифов, наценок и скидок, методические указания и другие нормативные правовые акты по це-

нам, обязательные для исполнения всеми министерствами, ведомствами, предприятиями и организациями; контролировал их применение и самостоятельно осуществлял административную юрисдикцию.

Дальнейшее развитие законодательства и организационно-правовых форм управления в сфере регулирования цен (тарифов) происходило в рамках перестройки хозяйственного механизма советской экономики.

В июне 1987 г. Пленум ЦК КПСС утвердил Основные положения коренной перестройки управления экономикой. Цель преобразований — создание современного хозяйственного механизма деятельности предприятий на основе полного хозрасчета, самокупаемости и самофинансирования.

Основные направления перестройки системы ценообразования в условиях нового хозяйственного механизма были определены в постановлении Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 г. № 820⁷. В нем отмечалось, что Государственный комитет СССР по ценам и его органы на местах не проводили политики по усилению роли цен и тарифов в управлении экономикой и совершенствовании хозяйственного механизма, сосредоточивая свою деятельность на решении второстепенных задач. В практике ценообразования сложилась необоснованная централизация в установлении цен и тарифов на подавляющее большинство видов продукции, товаров и услуг. Такой подход фактически отстранял потребителей от процесса ценообразования, снижал требования к производителю продукции, порождал бюрократизм и медлительность в установлении цен, безответственное отношение к их разработке со стороны многих министерств и ведомств, а также многочисленные факты утверждения необоснованного уровня цен и нарушений государственной дисциплины их применения. Постановлением на Государственный комитет СССР по ценам возлагались обязанности:

- пересмотреть организационную структуру центрального аппарата;
- перестроить стиль и методы работы органов ценообразования в соответствии с новыми условиями хозяйствования;
- укрепить кадровый состав органов ценообразования, улучшить систему повышения квалификации работников этих органов.

⁴ Скворцов А.И. Цены и ценообразование в СССР. М.: Высшая школа, 1972. С. 45.

⁵ Горина А.П. Формирование государственной ценовой политики в жилищно-коммунальном хозяйстве: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2002. С. 114.

⁶ См.: СП СССР. 1971. № 11. Ст. 87.

⁷ СП СССР. 1987. № 36. Ст. 120.

Впервые в государственном правовом акте была признана необходимость применения, помимо централизованно устанавливаемых цен и тарифов, договорных цен и цен, самостоятельно устанавливаемых предприятиями и организациями; поручено расширить практику установления договорных цен на непродовольственные товары, спрос на которые удовлетворяется полностью, а также на престижные, особо модные и другие товары повышенного спроса, учитывая при этом потребности населения и интересы государства. С 1 января 1989 г. все предприятия, объединения и организации Министерства энергетики и электрификации СССР были переведены на полный хозяйственный расчет и самофинансирование (постановление Совета Министров СССР от 30 июля 1988 г. № 924 «О переводе предприятий, объединений и организаций Министерства энергетики и электрификации СССР на полный хозяйственный расчет и самофинансирование»⁸).

Таким образом, в период реформирования планового ценообразования (1965–1990) были сделаны первые шаги по замене административных методов управления ценообразованием экономическими методами. При этом по состоянию на 1991 г. цены на абсолютное большинство видов товаров, работ, услуг регулировались государством.

Председатель Государственного комитета СССР по ценам с 1986 г. по 1989 г., министр финансов СССР с 1989 г. по 1991 г. В.С. Павлов в 1991 г. писал: «Установление цен на все товары делает систему цен жесткой, чрезмерно громоздкой, лишает ценообразование гибкости, оперативности в принятии решений, не позволяет системе цен своевременно реагировать на изменение экономической ситуации в стране»⁹.

Требовалось проведение радикальной реформы ценообразования, и 1991 год стал переломным в истории управления ценообразованием. Ценовая политика государства коренным образом изменилась с появлением Указа Президента РФ от 3 декабря 1991 г. № 297 «О мерах по либерализации цен»¹⁰, которым было предусмотрено осуществить со

2 января 1992 г. переход в основном на применение свободных (рыночных) цен и тарифов, складывающихся под влиянием спроса и предложения, на продукцию производственно-технического назначения, товары народного потребления, работы и услуги.

На смену плановому пришло рыночное конкурентное ценообразование. Возник вопрос о соотношении плана и цены в хозяйственном механизме. Плановое ценообразование строилось по принципу единой государственной политики цен¹¹. Господство отношений социалистической собственности, плановое ведение экономики требовали единства в управлении ценообразованием и методологии государственного регулирования цен.

При этом цены рассматривались прежде всего как инструмент формирования объемных, стоимостных показателей в народнохозяйственном плане, а под гибкостью цен понималось их своевременное приведение в соответствие с изменяющимися затратами на производство¹².

Проанализировав иерархичность плана и цены, можно сделать вывод о том, что внутренним содержанием планового ценообразования являлось всеобъемлющее стабильное государственное регулирование, планирование и прогнозирование оптовых, закупочных и розничных цен (тарифов) на товары, продукцию и услуги, исходя из экономических, социальных и политических задач, стоящих перед страной.

В ходе рыночных преобразований началось формирование новой государственной политики в сфере ценообразования, включающей в себя отличные от планового ценообразования сущность и принципы. Процесс формирования цен был освобожден от всеобъемлющего государственного управления и контроля над ценами; получили развитие механизмы конкуренции. Изменилось государственное отношение к роли и месту цены в экономике: она уже не рассматривалась как плановый показатель. В сущности это означало, что если раньше самым главным было выполнение плана, то в период реформирования ценообразования выполнение плановых

⁸ Свод законов СССР. 1990. Т. 6. Ст. 600-7.

⁹ Павлов В.С., Шпрыгин В.И. Реформа ценообразования: цели, пути реализации. М.: Экономика, 1991. С. 52.

¹⁰ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1878.

¹¹ Плановое ценообразование: учебник для вузов / С.И. Лушин и др.; под ред. С.И. Лушина. М.: Высшая школа, 1986. С. 234–235.

¹² Павлов В.С. Радикальная реформа ценообразования. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 7.

заданий необходимо было решать «на основе цен, ориентирующих производителя продукции на минимизацию затрат трудовых и материальных ресурсов»¹³. Взятый курс на совершенствование управления экономикой путем развития рыночных отношений требовал эффективного функционирования системы цен.

Важным шагом вперед по либерализации цен (тарифов) стал Указ Президента РФ от 28 февраля 1995 г. № 221 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)»¹⁴. Указом предусматривалось осуществление государственного регулирования цен (тарифов) в основном только на продукцию естественных монополий, а Правительству РФ поручалось утверждать перечни продукции производственно-технического назначения, товаров народного потребления и услуг, цены (тарифы) на которые на внутреннем рынке Российской Федерации подлежат государственному регулированию Правительством РФ, федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ. Такие перечни были утверждены постановлением Правительства РФ от 7 марта 1995 г. № 239 «О мерах по упорядочению государственного регулирования цен (тарифов)»¹⁵.

Наряду с реформой ценообразования происходит реорганизация центральных органов государственного управления. Указом Президента РФ от 16 февраля 1992 г. № 141¹⁶ на базе упраздненного Межреспубликанского комитета по ценам при Министерстве экономики и прогнозирования СССР и Комитета цен при бывшем Министерстве экономики РФ был образован Комитет цен Министерства экономики и финансов РФ. Уже через полгода указанный Комитет упраздняется Указом Президента РФ от 30 сентября 1992 г. № 1148 «О структуре центральных органов федеральной исполнительной власти»¹⁷, и создается Комитет РФ по политике цен. В 1994 г. функции Комитета РФ по политике цен были переданы Министерству экономики

РФ (Указ Президента РФ от 10 января 1994 г. № 66 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»¹⁸).

В диссертационном исследовании А.П. Горина отмечает, что «после ликвидации Госкомцен в 1994 г. система органов ценообразования и контроля цен в Российской Федерации распалась»¹⁹. С этим выводом можно согласиться, поскольку функции федерального органа по ценовой политике перешли к Министерству экономики РФ, а в отличие от финансовых, налоговых, антимонопольных и иных органов исполнительной власти, имеющих вертикальную структуру управления, у Министерства экономики РФ не было своих территориальных органов.

Реализация основ ценовой политики Российской Федерации осуществлялась Министерством экономики РФ до мая 2000 г.; позже оно было упразднено, и его функции, в том числе по разработке предложений о совершенствовании ценового регулирования, переданы Министерству экономического развития и торговли РФ (Указ Президента РФ от 17 мая 2000 г. № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»²⁰).

Государственное регулирование тарифов на электрическую и тепловую энергию осуществляла Федеральная энергетическая комиссия Российской Федерации (далее — ФЭК РФ). Согласно Положению о ФЭК РФ, утвержденному постановлением Правительства РФ от 19 июня 1994 г. № 739²¹, перед ней были поставлены задачи по проведению экономической политики Правительства РФ в области ценообразования в электроэнергетике на основе государственного регулирования тарифов на электрическую и тепловую энергию.

В марте 2004 г. ФЭК РФ была преобразована в Федеральную службу по тарифам (далее — ФСТ России). В рамках реформы ей были переданы функции Министерства РФ по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства в части регулирования тарифов на услуги общедоступной электрической и почтовой связи, а также функции

¹³ Тарасов В.И. Система цен и эффективность хозяйствования. Минск : Наука и техника, 1991. С. 7–8.

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 10. Ст. 859.

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 11. Ст. 997.

¹⁶ Ведомости СНГ и ВС РСФСР. 1992. № 9. Ст. 412.

¹⁷ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1992. № 14. Ст. 1091.

¹⁸ Там же. 1994. № 3. Ст. 190.

¹⁹ Горина А.П. Формирование государственной ценовой политики в жилищно-коммунальном хозяйстве : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2002. С. 115–116.

²⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 21. Ст. 2168.

²¹ Там же. 1994. № 9. Ст. 1022.

Минэкономразвития РФ по регулированию ценовых составляющих государственного оборонного заказа, производства ядерного топлива, сжиженного бытового газа, ценообразования в отношении лекарственных средств, зерновых товарно-закупочных интервенций и целому ряду других позиций. Положение о ФСТ России обсуждалось достаточно долго, в итоге было принято решение, что в отличие от Федеральной энергетической комиссии, где Правление состояло только из чиновников ФЭК России, в ФСТ России решения принимаются межведомственным Правлением, куда помимо руководства ФСТ России входят представители других министерств и ведомств, компетенцию которых затрагивают решения ФСТ России: МЭРТ, Минэнерго РФ, Минтранса РФ, Минсвязи РФ и ФАС. Участие в работе Правления должностных лиц, от заместителя директора департамента до заместителя министра или руководителя федеральной службы, позволяет обеспечить не только собственно обсуждение, но и ответственность за принимаемые решения²².

На протяжении 10 лет ФСТ России была главным тарифным регулятором и координатором работы региональных органов регулирования. Как следует из отчета ФСТ России о результатах деятельности в 2009 году и задачах на среднесрочную перспективу, по состоянию на 25 февраля 2010 г. было создано 90 органов исполнительной власти субъектов РФ в области государственного регулирования тарифов²³.

Во многих субъектах РФ полномочиями в сфере регулирования цен наделялись несколько органов исполнительной власти субъекта РФ. Отсутствие сосредоточенности всех полномочий в указанной сфере в едином органе регулирования цен субъекта РФ за-

трудняло управление процессом образования цен со стороны ФСТ России, так как с увеличением числа субъектов управленческого процесса усложняется и замедляется информационный обмен в ходе мониторингов, осуществления контрольных функций.

ФСТ России также не могло влиять на штатную численность и организационную структуру регионального органа регулирования цен, и, как следствие, в разных субъектах РФ штатная численность органов регулирования цен отличалась в разы, а организационная структура не позволяла эффективно реализовывать все функции в установленной сфере.

Процесс реформирования органов регулирования продолжается. В целях совершенствования государственного управления и контроля в сфере антимонопольного и тарифного регулирования, оптимизации структуры федеральных органов исполнительной власти в июле 2015 года Федеральная служба по тарифам была упразднена, а ее функции переданы Федеральной антимонопольной службе.

«Мы сформулировали основные задачи новой тарифной политики, и главная из них — это ориентация на экономический рост», — комментирует заместитель руководителя ФАС России Анатолий Голомолзин²⁴.

При формировании новой тарифной политики и нового законодательства в сфере ценообразования необходимо учитывать исторический опыт и ошибки тарифного регулирования. На первом этапе важно разработать единый федеральный закон, четко определяющий цели, задачи, методы и пределы вмешательства государства в сферу ценообразования, чтобы такие составляющие процесса управления отвечали реалиям экономики и прогрессивному развитию страны.

²² URL: <http://www.fstrf.ru/about/activity/17>

²³ Информационный бюллетень Федеральной службы по тарифам. 2010. № 11. С. 183–194.

²⁴ URL: <http://fas.gov.ru/press-center/news/detail.html?id=45395>

Литература

1. Горина А.П. Формирование государственной ценовой политики в жилищно-коммунальном хозяйстве : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2002. 418 с.
2. Павлов В.С. Радикальная реформа ценообразования. М. : Финансы и статистика, 1988. 99 с.
3. Павлов В.С., Шпрыгин В.И. Реформа ценообразования: цели, пути реализации. М. : Экономика, 1991. 366 с.
4. Плановое ценообразование : учебник для вузов / С.И. Лушин [и др.]; под ред. С.И. Лушина. М. : Высшая школа, 1986. 279 с.
5. Скворцов Л.И. Цены и ценообразование в СССР. М. : Высшая школа, 1972. 240 с.
6. Тарасов В.И. Система цен и эффективность хозяйствования. Минск : Наука и техника, 1991. 116 с.

Презумпция невиновности в российской правовой традиции: от доктринального понимания к опыту нормативного закрепления

*Ельчанинова Ольга Юрьевна,
начальник кафедры теории и истории государства и права
Самарского юридического института ФСИИ России,
кандидат исторических наук, доцент
olga220169_69@mail.ru*

*Никитин Александр Макарович,
главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института ФСИИ России,
доктор юридических наук, профессор
tgp@samlawin.ru*

В статье показано наличие устойчивой тенденции развития презумпции как научной категории, дается характеристика идей отечественных ученых в качестве исходных предпосылок для логико-правовой формулы презумпции невиновности. Авторы показывают развитие института презумпции в российском законодательстве и анализируют проблемы реализации этого принципа в национальном праве.

Ключевые слова: правовые презумпции, презумпция невиновности, права человека, правосудие, судопроизводство.

Presumption of Innocence in the Russian Legal Tradition: from the Doctrinal Awareness to the Consolidation Practice

*Elchaninova Olga Yu.,
Head of the Department of Theory and History of State and Law
Samara Legal Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

*Nikitin Aleksandr M.,
Chief Research Scientist
of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Doctor of Law, Professor*

The article shows the presence of a stable development trend of the presumption of a scientific category, describes the ideas of Russian scientists in an entry for the logical-legal formula presumption of innocence. The authors show the development of the presumption of the institute in the Russian legislation and analyze the problems of implementation of this principle in national law.

Key words: legal presumptions, presumption of innocence, human rights, justice, trial.

Презумпции являются разновидностью правовых категорий и представляют собой предположение о наличии или отсутствии определенных фактов, основанное на связи между наличными и предполагаемыми фактами и подтвержденное предшествующим опытом¹. То есть презумпции действуют до тех пор, пока не доказано обратное.

¹ Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 277.

Презумпция невиновности призвана выступать в качестве одного из средств решения задач правосудия, направленных на защиту прав граждан и противодействие преступности. Однако анализ правоприменительной практики показывает, что в настоящее время существует огромная дистанция между концептуальной декларацией презумпции невиновности и ее адекватным воплощением в юридическом процессе.

Это является более чем актуальным и в связи с известными решениями Международного Олимпийского комитета, отменившими презумпцию невиновности в отношении российских спортсменов. Ввиду чего каждый спортсмен РФ в индивидуальном порядке должен доказывать, что он не виновен в употреблении допинга. Получается, что «...обветшавшая догма буржуазного права», как называли презумпцию невиновности в советском праве в 1930-е гг., сегодня отменена международными чиновниками от спорта одним росчерком пера! Это делают те, кто совсем недавно упрекал СССР в отсутствии независимой судебной власти, в пренебрежительном отношении к соблюдению законности, прав и свобод человека.

Более того, пункт 3 Декларации Саммита МОК гласит, что жесткие санкции должны быть применены не только к спортсменам, уличенным в допинге, но «также к их тренерам, должностным лицам, врачам или любым другим вовлеченным лицам»².

Аналогии напрашиваются сами собой. Вполне обоснованным считаем мнение В.М. Савицкого, когда он отмечает, что в условиях функционирования советской системы правосудия вопрос о соблюдении презумпции невиновности звучал более чем наивно: «...зачем вообще доказывать виновность врага народа, если он враг? А то, что враг, — это несомненно, раз его арестовали»³. Точно так же, зачем доказывать виновность членов семьи врага народа, если на основании ст. 58-1 УК РСФСР их надо было ссылать в Сибирь только за то, что они члены его семьи⁴.

Налицо явное нарушение прав человека. Спортсмены, никогда не уличенные в употреблении допинга, тренеры, вина которых не доказана, дискриминируются по признаку их принадлежности к России, в которой, по мнению отдельных лидеров, «не тот государственный строй». Применение коллективной ответственности абсолютно недопустимо, ведь каждый человек может отвечать только за свои собственные противоправные действия и только при условии, что его вина доказана.

Поэтому вполне оправданным является наше обращение к рассмотрению истоков теоретического обоснования и закрепления данного принципа в национальном законодательстве. Особенности эволюции презумпции невиновности представляют значительный интерес и ввиду ее недостаточной изученности в контексте современных подходов к пониманию сущности этого принципа и механизмам защиты прав человека.

Презумпция невиновности, являясь одним из важнейших принципов правосудия, гласит: «Человек не виновен, пока не доказано обратное». Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, напротив, лицо, которое выдвигает обвинения, должно представить безапелляционные доказательства вины того, кого оно обвиняет.

Исследуемый принцип применялся еще в законодательстве Древнего Рима в следующей формуле: *ei incumbit probatio, qui dicit, non qui lie-gat*, что означает: бремя доказательства лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицает⁵. До сих пор не утихают споры относительно того, когда презумпция невиновности в привычной для нас теоретико-правовой конструкции стала частью международного права и национальных правовых систем. Большинство исследователей считает, что этот принцип впервые был официально закреплен в ст. 9 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., а в 1791 г. включен в текст Конституции Франции и выражен следующим образом: «Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишне суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом»⁶. В дальнейшем содержательно презумпция невиновности стала трактоваться в виде двух правил: 1) о возложении бремени доказывания на обвинителя; 2) об истолковании сомнений в пользу обвиняемого.

В России данный подход к пониманию сущностных характеристик этого принципа нашел отражение в сочинениях дореволюционных правоведов. Так, у И.Я. Фойницкого находим рассуждения: «Современный

² Декларация Олимпийского саммита МОК [Электронный ресурс. URL: <http://www.olympic.tj/news>

³ Савицкий В.М. Презумпция невиновности. М., 1997. С. 32.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. 1934. № 30. Ст. 173.

⁵ Латинский словарь юридических терминов и выражений / сост.: В.А. Минасова, И.Ю. Губина. Ростов-н/Д, 2000.

⁶ Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26–29.

процесс исходит из предположения невиновности (*praesumptio boni viri*), в силу которого на обвинении лежит обязанность доказать все элементы как объективной, так и субъективной виновности, рассеяв всякое разумное сомнение в пользу невиновности⁷. В.М. Духовской указывал на особое положение подсудимого: пока его виновность не доказана, он является полноправным гражданином страны. В случае же, если есть необходимость применить к нему на предварительном следствии меры ограничения, то они должны быть обусловлены пределами крайней необходимости⁸. По мнению С.В. Познышева, подсудимый является невиновным до тех пор, пока противное не будет доказано обвинителем⁹. В.К. Случевский под презумпцией невиновности понимает необходимость толкования каждого сомнения в пользу подсудимого, который не должен представлять доказательства своей невиновности¹⁰.

Позиция Г.С. Фельдштейна представлена тезисами: презумпция невиновности предназначена для защиты неприкосновенности личности в государстве, для возложения бремени доказывания по уголовному делу на обвинителя, для дифференцированного применения мер государственного принуждения; презумпцию невиновности обвиняемого следует заменить на презумпцию невиновности подсудимого¹¹. О презумпции невиновности также писали Л.Е. Владимиров¹², С.И. Викторский¹³ и др.

Итак, если в доктринальном обосновании исследуемого принципа были сделаны логически доказательные наработки, то попытки нормативного закрепления презумпции невиновности в актах российского права XVIII–XIX вв. вряд ли можно признать успешными.

Екатерина II в своем «Наказе» попыталась легализовать данный принцип. Она де-

кларировала, что «человека не можно почитать виновным прежде приговора судейского, и законы не могут его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будет, что он нарушил оные. Чего ради какое право может кому дати власть налагати наказание на гражданина в то время, когда еще сомнительно, прав он или виноват»¹⁴. На деле оказалось, что в основу предлагаемой императрицей системы уголовного судопроизводства были положены принципы буржуазного правосудия, провозглашенные в Европе в период революций XVII–XVIII вв., что для российского абсолютизма было весьма прогрессивным, а потому и неприемлемым.

Следующей попыткой регламентации презумпции невиновности стало принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором в ст. 97 главы 3 «Об определении наказаний по преступлениям» определялось: «наказание за преступление или проступок, а в тех случаях, когда оное в законах постановлено и за покушение на преступление, или приготовление к нему или же и за самый на оное умысел, может быть определено судом тогда только, во-первых, когда содеяние преступления или проступка, или же покушение на оные или приготовление к ним, или существование преступного умысла несомненно доказаны; во-вторых, когда при том содеянное или умышленное должно быть вменено подсудимому или подсудимым в вину»¹⁵.

Эта норма получила расширение в Уставах уголовного судопроизводства 1864 г. Статья 8 устанавливала, что никто не мог быть заключен под стражу иначе как в случаях, определенных законами¹⁶. Согласно ст. 10 судья и прокурор, в случае незаконного задержания лица, должны немедленно его освободить. Статья 11 предписывала судьям, прокурорам принять меры, в случае если обвиняемый содержался в ненадлежащем месте и услови-

⁷ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. СПб., 1996. С. 215.

⁸ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1908. С. 166.

⁹ Хрестоматия по уголовному процессу России / сост. д.ю.н., проф. Э.Ф. Куцова. М., 1999. С. 84–85.

¹⁰ Хрестоматия по уголовному процессу России / сост. д.ю.н., проф. Э.Ф. Куцова. М., 1999. С. 85–86.

¹¹ Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915.

¹² Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.

¹³ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1912.

¹⁴ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book>

¹⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Отечественное законодательство XI–XX веков: пособие для семинаров. Ч. 1 / под ред. О.И. Чистякова. М., 1999.

¹⁶ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть II. [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/>

ях заключения¹⁷. Статья 14 определяла: «никто не может быть наказан за преступление или проступок иначе как по приговору суда, вступившему в законную силу»¹⁸. Статья 630 закрепляла право обвиняемого на получение помощи профессионального защитника, ст. 632 — право самого подсудимого или через его защитника на последнее слово.

Тем самым законодатель закрепил не столько сам принцип презумпции невиновности, сколько комплекс составляющих его гарантий: гарантии личной свободы и неприкосновенности человека, способы защиты его от неправомерного задержания, ареста и содержания под стражей и другие. Вместе с тем ряд правоограничений (защита не была допущена к стадии предварительного следствия, государственные преступления были полностью изъяты из компетенции суда присяжных и др.) делали применение данного принципа затруднительным.

Уголовное уложение 1903 г. ввело в законодательство ряд новелл: запрет на применение аналогии закона (ст. 1)¹⁹, дифференциацию уголовно-наказуемых деяний на тяжкие преступления, преступления, проступки (ст. 2–3)²⁰, порядок действия уголовного закона в пространстве (ст. 4–14)²¹, упрощение системы наказаний (ст. 15–38)²², нормы о возрастной невменяемости (ст. 55–57)²³ и др. Однако от прямого нормативного закрепления презумпции невиновности в нем законодатель отказался.

В советской России отношение к презумпции невиновности было неоднозначным. Один из ярких противников ее классической формулы, К.А. Мокичев писал: «Нелепость этой формулы совершенно очевидна; по ней следует, что прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, да и суд, пока приговор не вступил в законную силу, имеют дело с лицом невиновным»²⁴. Среди защитников этого принципа следует назвать А.М. Ларина, И.Л. Петрухина и др. М.С. Строго-

вич настаивал на том, что именно презумпция невиновности исключает правомочность обвинительного приговора, основанного на соображениях вероятной виновности обвиняемого²⁵.

После принятия ряда международных актов, в которых презумпция невиновности обвиняемого была определена в качестве признаваемого всем прогрессивным человечеством международного принципа, началась ее реабилитация в советском праве²⁶.

Постепенно данный принцип был введен в материю ряда советских законов. В ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. нашла закрепление конструкция: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда»²⁷. Аналогичная формула презумпции невиновности была вписана в ст. 13 УПК РСФСР 1960 г.²⁸ Позднее норма ст. 160 Конституции СССР 1977 г. также основывалась на данном принципе: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом»²⁹. Более развернутая формулировка этого принципа была дана в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту»: «В целях обеспечения обвиняемому (подсудимому) права на защиту суды должны строго соблюдать конституционный принцип, согласно которому обвиняемый (подсудимый) считается невиновным

²⁵ Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946. С. 158–160.

²⁶ Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. 10.12.1948 // Российская газета. 1995. 5 апреля; Конвенция о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 от 4 ноября 1950 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3, март; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.

²⁷ Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

²⁹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 12.

¹⁹ Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 11.

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Там же. С. 12–14.

²² Там же. С. 14–22.

²³ Там же. С. 27–29.

²⁴ Мокичев К.А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., 1959. С. 33.

до тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»³⁰.

В Конституции РФ данная конструкция презумпции невиновности в несколько измененном варианте была включена в ст. 49: 1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. 2. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. 3. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого³¹.

Сегодня презумпция невиновности стала полноправным принципом российского уголовного судопроизводства и закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, содержание ее может быть обобщено в следующих положениях: обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда; обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность; обвинительный приговор не может быть основан на предположениях; все сомнения толкуются в пользу обвиняемого (ст. 14); признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств (ст. 77)³² и т.д.

Таким образом, во-первых, значение презумпции невиновности в праве и судопро-

изводстве вряд ли можно преувеличить. Презумпция невиновности тесным образом взаимосвязана с презумпцией добродетельности гражданина, причем последняя выступает нравственной основой рассматриваемого принципа. Ведь предполагается, что отношения между людьми в цивилизованном обществе и правовом государстве строятся на принципах добродетельности, и пока не доказано обратное, каждый человек презюмируется порядочным. Во-вторых, ввиду нечеткости критериев разграничения правового и неправового в праве, в рамках презумпции возникает логическое допущение как виновности, так и невиновности лица. Эти понятия детерминированы социально-политическими условиями. Кроме того, дуализм презумпции невиновности особенно проявляется в условиях неустойчивого режима, когда конъюнктурные решения глобальных игроков приводят к разрушению правовых основ презумпции невиновности как в международном, так и в национальном судопроизводстве. В-третьих, доктринальное понимание и нормативное закрепление презумпции невиновности в российском праве в полной мере отвечают принципам уважения и соблюдения прав человека, общепризнанным нормам международного права. Малейший отход в сторону от презумпции невиновности ведет к нарушению законности в правосудии и ущемлению прав и законных интересов граждан. Что, к нашему сожалению, сегодня не редкость. В-четвертых, возвращаясь к проблеме, затронутой в начале статьи, хотелось бы, чтобы чиновники МОК помнили, что традиционно в англосаксонском праве презумпция невиновности считалась одним из основных начал общего права и выражалась в устоявшейся формуле: если учинение преступления является непосредственно подлежащим решению в каком-либо процессе — уголовном или гражданском, оно должно быть доказано так, чтобы исключалось разумное сомнение. Что называется, ни добавить, ни убавить.

³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1978. № 4.

³¹ Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

³² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 492.

Литература

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1912. 426 с.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. 464 с.
3. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910. 448 с.
4. Ельчанинов А.П., Ельчанинова О.Ю. Концептуальные подходы к эволюции законодательства в сфере применения смертной казни в эпоху Елизаветы Петровны // История государства и права. 2014. № 3. С. 54–59.

5. Мокичев К.А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., 1959. 40 с.
6. Савицкий В.М. Презумпция невиновности. М., 1997. 121 с.
7. Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946. 511 с.
8. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. 432 с.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. СПб., 1996. 552 с.
10. Хрестоматия по уголовному процессу России / сост. д.ю.н., проф. Э.Ф. Куцова. М., 1999. 272 с.

Модели брака в библейских правовых традициях: различие нормативного выражения при сходстве ценностей

*Вишневецкий Александр Александрович,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
преподаватель сравнительного канонического права в Институте Св. Фомы,
доктор юридических наук
sopos59@mail.ru*

В статье предпринята попытка объяснить причины, по которым сходные для еврейского и канонического права ценности брака (единство и нерасторжимость) получают различное нормативное закрепление. Автор связывает данный процесс с конкретно-исторической, социальной средой развития каждой из систем и по-разному сформировавшимся под ее воздействием моделями понимания брака.

Ключевые слова: каноническое право брака, брак и развод в еврейском праве, библейские правовые традиции.

Models of Marriage in the Biblical Legal Traditions: Difference in Regulatory Expressions under the Similarity of Values

*Vishnevsky Aleksandr A.,
Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law
of the National Research University "Higher School of Economics",
Lecturer of Comparative Canon Law at the St. Thomas Institute,
Doctor of Law*

The article explains the reasons, why similar for Judaic and canon law values of marriage (unity and indissolubility) have received different normative expressions. The author links this process to the historical and social background of the development of these systems and different models of understanding of the marriage.

Key words: canon law of marriage, marriage and divorce in Judaic law, biblical legal traditions.

В настоящей статье речь пойдет о двух библейских правовых традициях, восходящих к Библии как своему первоисточнику: еврейском праве и каноническом праве. Мы попытаемся понять, почему в этих двух правовых традициях схожие ценности брака получают различное нормативное содержание. При

этом под ценностями брака для целей настоящей статьи мы рассмотрим единство и нерасторжимость брака¹.

¹ В этой статье речь пойдет только о западном каноническом праве. Из недавних работ, затрагивающих вопросы религиозного влияния на модель брака в восточной традиции, можно упомянуть:

Говорить о данных вопросах в каноническом праве относительно легко, поскольку они получили нормативное закрепление в Кодексе канонического права². Согласно Кодексу, единство означает, что брак является партнерством, всеобъемлющим союзом одного мужчины и одной женщины. В каноническом праве данное свойство не сводится только к отсутствию интимной супружеской измены — это гораздо более широкое понятие. Комментаторы Кодекса приводят следующий пример: мужчина женится на женщине, преследуя все «правильные» цели брака — взаимная любовь и дружба, рождение и воспитание детей. Но при этом он является человеком слабохарактерным, традиционно находившимся под сильным психологическим влиянием, даже давлением со стороны своей матери. После заключения брака он продолжает «эмоционально нездоровые» отношения с матерью, что выражается в ежедневных визитах к матери, ежедневных телефонных разговорах-отчетах, зависимости от мнения матери в принятии важных семейных решений, в обсуждении с ней подробностей интимной жизни и т.п., все это нередко втайне от жены. С точки зрения канонического понимания единства брака — не просто как интимных отношений, но как партнерства *всей* жизни между *одним* мужчиной и *одной* женщиной, в описанном случае присутствует нарушение мужем единства брака³.

Нерасторжимость в каноническом праве получила различную строгость в восточной и западной традициях. Восточная традиция основывает себя на Новозаветном позволении разводиться в случае прелюбодеяния, хотя фактически сейчас список оснований для разводов в праве, например в Русской Православной Церкви, куда более широк⁴.

Западная традиция подходит к разводу более строго, не признавая даже прелюбо-

деяние в качестве основания для расторжения брака. В западной традиции развод возможен только в отношении заключенного, но не завершенного брака (*matrimonium ratum tantum*). Брак *ratum tantum* — это брак, который был должным образом заключен, но еще не завершен. В отношении такого брака развод возможен, но по очень веским причинам. Решение вопросов в конкретном случае зарезервировано за Святым Престолом, т.е. за высшей властью в Римской Католической Церкви. Завершение брака, приводящее к возникновению брака заключенного и завершеного (*matrimonium ratum et consummatum*), состоит в том, что супруги «по-человечески совершили между собой супружеский акт, предназначенный сам по себе к порождению потомства»⁵. В отношении брака заключенного и завершеного каноническое право устанавливает невозможность его развода никакой человеческой властью, он прекращается только в результате смерти супруга⁶.

Насколько эти ценности — единство и нерасторжимость — свойственны еврейскому праву?

Беглый исторический взгляд может спровоцировать определенные сомнения по этому поводу. Действительно, в праве Библейского периода, в жизни библейских персонажей можно найти подтверждения в защиту полигамии. Уже в силу этого сомнения в такой ценности как единство брака в отношении еврейского права могут выглядеть оправданными. Подобным образом можно отрицать нерасторжимость брака в качестве ценности еврейского права, поскольку в еврейском праве возможен развод по целому ряду оснований, в том числе по взаимному согласию супругов.

Но ситуация не столь однозначна. Даже Моисеево Пятикнижие, в котором содержатся примеры полигамных браков, не дает оснований для однозначного заключения в пользу разрешения полигамии в Ветхом Завете. Брак Моисея был моногамным, как и брак первосвященника Аарона; в Книге Левит находим нормативное предписание моногамии для первосвященника⁷, в отношении пророков не встречается каких-либо намеков на то, что они жили в полигамии. Получается, что моногамия присутствует в качестве Ветхозаветного идеала, а полигамия допускает-

Бурова Е.В. Историческое измерение правовых и религиозных норм в процессе трансформации институтов брака и семьи // История государства и права. 2016. № 12. С. 3–7.

² Кодекс канонического права Римско-Католической Церкви 1983 г. Далее по тексту — Кодекс, а в сносках — ККП.

³ New Commentary on the Code of Canon Law. The Canon Law Society of America. 2000. P. 1249.

⁴ См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>

⁵ ККП, кан. 1061.

⁶ ККП, кан. 1141.

⁷ Лев. 21, 13.

ся для «простолудинов» с учетом давления обстоятельств *ex loco et tempore*⁸. Не удивительно, что последующее развитие еврейского права не просто воспретило полигамию, но воспретило ее как не соответствующую самой идее брака — именно так было сказано на раввинской конференции 1864 г. в Филадельфии.

Как обстоит дело с разводом? С одной стороны, известно, что развод в еврейском праве возможен, и к тому есть целый ряд оснований, включая взаимное согласие супругов. Казалось бы, совершенно иной подход, нежели принятый в западном каноническом праве.

Но давайте не упускать из виду следующие обстоятельства. Во-первых, развод по инициативе одной из сторон в еврейском праве затруднен. Эта традиция проявилась уже в Моисеевом законодательстве. Так, во Второзаконии находим следующую норму: «Если мужчина взял жену и женился на ней, и оказалось, что она не нашла благоволения в глазах его, потому что он нашел нечистоту в ней: тогда пусть он напишет ей разводное письмо, и вложит ей в руки, и вышлет ее из дома своего»⁹.

Эта норма может быть расценена как одна из норм в пользу свободы развода со стороны мужа, но более глубокий взгляд не может не заметить, что здесь скрыто стремление законодателя затруднить развод. Действительно, чтобы развестись, мужчина должен обнаружить «нечистоту» в жене, т.е. исключается развод без причины. Наряду же с этим необходимо не просто изгнать жену из дома, но дать ей разводное письмо. Давайте посмотрим на это процедурное требование в историческом контексте — в обществе, где далеко не поголовная грамотность и в котором авторучками и бумагой располагают далеко не все, это тоже затруднение!

С течением времени раввинская традиция (Талмуд) дополнила перечень оснований для развода со стороны мужа и со стороны жены. При этом показательно, что эти основания очень серьезны: например, со стороны мужа развод возможен, когда жена уличена

в адюльтере, в моральном падении, в измене религии, когда жена отказывает мужу в близости в течение года, по причине оскорбления женой мужа или его отца, наконец, в случае некоторых неизлечимых болезней¹⁰.

Но дело не ограничивается только нормами — наряду с этим морально-этический идеал, содержащийся в Моисеевом законодательстве, свидетельствует в пользу нерасторжимости брака по своей сути. Знаменитые слова из Книги Бытия «...и прилепится к жене своей; и будут одна плоть»¹¹ подразумевают своим скрытым смыслом, что брак — это неразъединимый союз.

Получается интересная ситуация. Обе правовые традиции имеют схожие этические идеалы брака, как в одной, так и в другой традиции единство брака и его нерасторжимость имеют неоспоримую ценность¹². Но при этом нормативное проявление, нормативное оформление брака, основанного на схожих идеалах, обнаруживает существенные нормативные различия. В чем причина?

Мы считаем возможным обозначить в настоящей статье два обстоятельства, которые могут рассматриваться в качестве причины означенного положения дел.

Первая из них связана с особенностями конкретно-исторической среды, в которых развивались эти две правовые традиции Библейского происхождения.

Еврейское право исторически развивалось в условиях диаспоры, что означало, что еврейское национальное меньшинство для сохранения своей национальной идентификации было возможно только при следовании религиозным «стандартам», воплощенным в Торе. В этих условиях нормативная часть еврейского права не существовала отдельно от этического учения Библии, они были нераздельно переплетены в жизни еврейского народа в изгнании. Эта взаимосвязь естественна, поскольку в предписаниях Торы отделять юридическое от религиозного было бы не-

¹⁰ См., напр.: Mielziner M. Op. cit. P. 122.

¹¹ Бытие 2, 24.

¹² Уместно напомнить, что этические ценности брака в еврейском праве получали в ряде случаев и уголовно-правовую защиту. См., напр.: Беспалько В.Г. Ветхозаветные преступления против нравственных основ брачно-семейных отношений в Девтерономической редакции Моисеева уголовного права (по материалам книги Второзаконие) // История государства и права. 2014. № 3. С. 7–12.

сколько искусственным, Тора не структурирована соответственно традиционному западному восприятию, в котором религия и мораль представляются различными сферами. И при этом как нормативный, так и этический аспект Торы существовали и применялись в среде, которая не была враждебна Торе — напротив, это среда еврейской общины, для которой Тора являлась альфой и омегой жизни во всех ее проявлениях.

Каноническое право столкнулось в ходе своего исторического (средневекового) развития с гораздо менее благоприятной средой своего обитания. Каноническое право, Римско-Католическая Церковь с помощью в том числе канонического права оказалась перед необходимостью проповедовать, внедрять Библейские идеалы единого и нерасторжимо брака в среде, которой эти идеалы были чужды.

Посмотрим хотя бы на ситуацию со средневековыми германскими племенами. Брак в этой среде рассматривался как союз, основанный на сексуальных отношениях сторон, и легко расторгался, по крайней мере по воле мужа¹³. Наряду с этим характерной практикой, особенно в среде небедных людей, являлся конкубинат. Говорить о каких-то идеалах единства и нерасторжимости в этих культурно-исторических условиях вряд ли найдутся основания.

Получается, что Библейские идеалы брака приходилось внедрять в среде, для которой изначально эти идеалы были чужды. В такой ситуации более жесткая норма, направленная на установление единства и нерасторжимости брака, представляется более логичным инструментом достижения этих целей.

В этом мы усматриваем одну из причин более жестких *нормативных* последствий этических идеалов единства и нерасторжимости брака в западном каноническом праве в сравнении с нормативным аспектом еврейского права. Нормативное выражение требует большей или меньшей жесткости в зависимости от характеристик той культурной среды, в которой требуется нормативно подкрепить заданные этические идеалы. Если культурная среда воспринимает этические идеалы религиозного характера, необхо-

димости в жестких нормах гораздо меньше, но если среде этические идеалы религии чужды, жесткость норм становится естественным средством их защиты. Соответственно, еврейское право допускает развод, поскольку этические ценности общества, в котором действует еврейское право, являются серьезным сдерживающим фактором, не приводящим к злоупотреблению нормативной свободой. Напротив, допущение развода в среде, которая «только того и ждет», обернулось бы тем, что ценности брака оказались бы полностью проигнорированными.

Наряду с этим можно отметить еще одну причину, связанную с различным пониманием предназначения брака в еврейском и каноническом праве. Разница в следующем: в еврейской правовой традиции брак рассматривается как выполнение обязанности перед Богом, в то время как в христианской традиции он рассматривается как выбор человека, одно из основополагающих естественных прав человека, хотя и имеет при этом характер таинства.

Действительно, во многих работах, посвященных браку в еврейском праве, рассмотрение этого института начинается с Ветхозаветной заповеди «плодитесь и размножайтесь»¹⁴, которая в раввинской интерпретации (Кодекс Маймонида) рассматривается в качестве первого позитивного¹⁵ предписания Торы¹⁶. Интерпретированное в этом свете предписание Книги Бытия получает трактовку в качестве необходимости, т.е. брак становится не просто выбором человека, но действием, без совершения которого выполнение человеком своей миссии в этой жизни невозможно (в связи с чем в некоторых случаях в истории еврейского права имело место даже принуждение к заключению брака).

В христианстве ситуация иная. Человеку предложен выбор — служение мирянина, создающего домашнюю церковь, или служение священника, связанного celibатом в Католической Церкви. При таком подходе невозможен взгляд на брак как на исключительную и безусловную обязанность человека по выпол-

¹⁴ Бытие 1, 28.

¹⁵ В Торе содержатся 613 предписаний, которые традиционно делятся на 365 «позитивных», т.е. предписывающих что-либо сделать, и 248 «негативных», требующих воздержания от каких-либо действий.

¹⁶ См., напр.: Adler C. Jewish Marriage Laws. New York, 1906.

¹³ Brundage J. Law, Sex and Christian Society in Medieval Europe. Chicago : The University of Chicago Press, 1987. P. 135; Wemple S.F. Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500 to 900. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1981. P. 89.

нению Божественного предназначения, уже хотя бы в силу той простой причины, что священники оказались бы невыполняющими эту первую позитивную Божественную заповедь. И нормативное выражение канонического права это право выбора служений в Церкви полностью учитывает.

Если брак — это выполнение обязанности, созданной Богом, то ее следует выполнять до тех пор, пока она не окажется выполненной. А что означает это выполнение?

С нормативной стороны эта обязанность, согласно Талмуду, считается «надлежащим образом» исполненной, когда в браке родились сын и дочь. Но религиозно-правовая система в силу того, что она не просто правовая, но еще — и прежде всего — религиозная, не может ограничить себя только нормативным выражением. Наряду с этим в ней присутствует либо теологическое, либо даже более глубокое эзотерическое, если угодно — мистическое содержание, без принятия которого смысл правовой нормы остается лишь поверхностным, и тогда буквальное следование правовой норме не достигает своей религиозной цели. Независимо от мировоззрения исследователя эту сторону религиозно-правовой системы необходимо воспринимать как данность.

С этой стороны Ветхозаветная традиция не просто указывает на внешнюю, позитивную обязанность заключить брак и родить потомство, но вскрывает внутренний смысл выполнения этой заповеди. В чем его суть? Попробуем ответить в нескольких строчках, позволивших в объеме небольшой статьи.

Древние учителя указали на внутренний смысл сотворения Евы из части тела (ребра) Адама. Тот факт, что жена сотворена из части своего будущего мужа, означает другими словами, что то, что впоследствии стало мужем и женой, вначале было одним целым. Что представляло собой это единое целое? Ответ древнего учения таков.

Сотворение Богом человека по своему образу и подобию не позволяет рассматривать

сотворение человека как либо мужчины, либо женщины, иначе возникает абсурдный логический вопрос: Бог в таком случае должен быть либо женщиной, либо мужчиной. Сотворение человека объяснялось древними учителями как сотворение Богом души человека, состоящей из мужского и женского начала, которые, приходя в этот мир, разделяются на мужскую и женскую «половины» души, и задача состоит в том, чтобы найти друг друга и воссоединиться, но при этом человеку не известно, кто является в выборе спутника жизни, это знание «зарезервировано» за Творцом¹⁷.

Если так, то у человека, естественно, должно быть право на исправление ошибки, если брак заключен не с тем лицом, которое является физическим носителем второй половины души.

В христианстве ситуация иная: если брак — таинство, создаваемое действием человека, то человек и несет полную ответственность за свой действия. Соответственно, если он ошибся в выборе спутника жизни, то нерасторжимый брак — это следствие его ошибки, он и должен нести неблагоприятные последствия.

Итак, схожие ценности получают различное — с виду даже диаметрально противоположное нормативное оформление. Мы посчитали возможным именно таким образом представить краткое объяснение — одно из возможных объяснений того, каким образом из одной религиозно-правовой традиции появляются с виду противоположные нормативные системы и каким образом эта внешняя противоположность может быть представлена не как антагонизм, но как различное проявление общего в силу разницы в конкретно-исторических условиях, в которых пришлось развиваться этим двум правовым традициям.

¹⁷ The Zohar. The First Ever Unabridged English Translation and Commentary. N.Y., 2003. Vol. 3. Lech Lecha. 22:204, 206, 207.

Литература

1. Беспалько В.Г. Ветхозаветные преступления против нравственных основ брачно-семейных отношений в Деветерономической редакции Моисеева уголовного права (по материалам книги Второзаконие) // История государства и права. 2014. № 3. С. 7–12.
2. Бузова Е.В. Историческое измерение правовых и религиозных норм в процессе трансформации институтов брака и семьи // История государства и права. 2016. № 12. С. 3–7.
3. Кодекс канонического права (пер. А. Ковалея). М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2007.

4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>
5. Adler C. Jewish Marriage Laws. New York, 1906.
6. St. Augustine. Concerning the City of God against the Pagans. London. Penguin Books, 1984.
7. St. Augustine. Treatise On The Goods of Marriage. Oxford, 1887.
8. Brundage J. Law, Sex and Christian Society in Medieval Europe. Chicago : The University of Chicago Press, 1987.
9. Saint Augustine. Treatise On the Goods of Marriage / edited by Philip Schaff. Exeter College, Oxford, 1887.
10. Menahem E. Jewish Law: History, Sources, Principles. Vol. I: The History and Elements of Jewish Law. Philadelphia, 1994.
11. Mielziner M. The Jewish law on Marriage and Divorce. Educa Books, Cincinnati, 1884.
12. New Commentary on the Code of Canon Law. The Canon Law Society of America. 2000.
13. Wemple S.F. Women in Frankish Society: Marriage and the Cloister, 500 to 900. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1981.
14. The Zohar. The First Ever Unabridged English Translation and Commentary. N.Y., 2003. Vol. 3. Lech Lecha.

Источники изменения права современного гражданского общества

*Васильев Игорь Владимирович,
генеральный директор ООО Юридическая компания
«Васильев, Солянка и партнеры»
i_vasilyev@vspart.ru*

Статья посвящена рассмотрению факторов, которые в современных условиях дают начало изменениям права гражданского общества. Доказывается, что источники изменения права современного гражданского общества противоречивы; как следствие, внутренне противоречивой оказывается динамика названного права.

Ключевые слова: гражданское общество, право гражданского общества, государство, изменение права, действие права, глобализация.

Sources of Law Revision in the Modern Civil Society

*Vasiliev Igor V.,
Director General of Legal Company
Vasilyev, Solyanko and Partners, LLC*

The article is devoted to consideration of the factors in modern conditions give rise to changes in the law of modern civil society. It is proved that the sources of changes in the law of modern civil society is contradictory; as a consequence, the dynamics of these law is controversial.

Key words: civil society, the law of civil society, the state, change of law, action of law, globalization.

На любом историческом этапе развития человеческого общества правовая жизнь протекает в разнообразных формах — как связанных с государственно-властной организацией отношений, так и не связанных с ней. Правовая жизнь, организуемая государством, — это «лишь вершина «айсберга» ... есть и другая, глубинная часть правовой жизни,

которая часто ускользает от взгляда исследователя — неформальное, негативное, нерациональное, неконтролируемое»¹. В современных условиях наиболее значимым для

¹ Анисимова А.С., Афанасьев С.Ф., Байниязова З.С. и др. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики. М. : Проспект, 2016. С. 65.

общества «продуктом» такой неформальной и неконтролируемой государством правовой жизни выступает право гражданского общества.

Все чаще оказываясь в поле зрения ученых², право гражданского общества исследуется безотносительно к конкретно-историческим условиям его существования. При этом предметом анализа нередко оказываются те его свойства, которые характерны для права «классического» гражданского общества, не учитывается, что «социальная реальность развивается во времени и пространстве»³ и вместе с ее изменением меняется право гражданского общества.

Глубокое и всестороннее исследование права гражданского общества требует осмысления, во-первых, его современных особенностей, во-вторых, наиболее общих тенденций его изменения. Решение и первой, и второй задачи требует выяснения источников изменения права современного гражданского общества.

К числу таких источников прежде всего следует отнести огосударствление общественной жизни, которое выражается в постепенном увеличении значения государства в организации жизнедеятельности общества и его стремлении к монополизации управления всеми ее сферами.

Право государства активно развивается, сфера государственно-властного регулирования общественных отношений расширяется, а сфера негосударственного регулирования, напротив, сужается. Деятельность ассоциаций, с которыми традиционно отождествляется гражданское общество, все более детально регламентируется законодательством государства. В сфере частноправового регулирования активно применяются публично-правовые средства и методы. В этих условиях существенно изменяется круг общественных отношений, составляющих для права гражданского общества предмет регулирования.

² См.: Малахов В.П. Правовые свойства гражданского общества // История государства и права. 2010. № 4. С. 2–13; Красиков Е.А. Право гражданского общества как правовая форма выражения демократии // Закон и право. 2015. № 4. С. 37–41; Лановая Г.М. Механизм права гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 7–10; и др.

³ Сигалов К.Е. Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 3.

Огосударствление общественной жизни оказывается сопряженным не только с усилением давления государства на гражданское общество, но и с увеличением значимости легитимации, обнаруживающей необходимость власти и значимость ее носителей⁴. В этой связи государство испытывает потребность в поиске и использовании новых, дополнительных инструментов обеспечения своей легитимности, в том числе нуждается в использовании тех возможностей легитимации, которые существуют в праве гражданского общества. Как следствие, повышается значимость права гражданского общества.

Еще одним важным источником изменения права современного гражданского общества выступает юридизация общественной жизни, которая представляет собой «процесс включения конкретных групп и типов общественных отношений в сферу действия юридического (формального, государством установленного и поддерживаемого) права»⁵.

Для понимания изменений, происходящих в праве современного гражданского общества, принципиально значимы два момента.

Во-первых, в условиях юридизации общественной жизни легальность, а не легитимность оказывается первичным критерием правового, при этом легитимные, но нелегальные нормы постепенно вытесняются из правовой жизни. Нормы, не являющиеся легально установленными либо признанными государством, рассматриваются в лучшем случае в качестве регуляторов, не являющихся правом, в худшем — в качестве «неправа», которое вытесняется из социальной жизни как оппозиционное государственному праву. В силу этого возникает потребность в формальном придании праву гражданского общества легальности.

Во-вторых, увеличивается значимость в регулировании общественных отношений писаных источников права, неписаные источники отходят на второй план и начинают восприниматься в качестве вспомогательных, дополнительных. Даже в тех обществах, в которых неписаные источники права ранее традиционно играли чрезвычайно важную роль в регулировании отношений,

⁴ Сигалов К.Е. Легитимация как идейное объяснение власти // История государства и права. 2016. № 16. С. 33.

⁵ Дубинина Е.Н. Причины, сущность и способы юридизации современных общественных отношений. Тула: ТГПО, 2016. С. 22.

их значимость в сравнении с писаными источниками уменьшается. Как следствие, возникает потребность в закреплении норм права гражданского общества в писаных источниках.

В описываемых условиях происходит формализация норм, которые изначально возникают в качестве правовых принципов и требований гражданского общества, в конституционных актах. Право гражданского общества, изначально ориентированное на то, чтобы обеспечить контроль общества над государством и защитить частные интересы от произвольного государственно-властного вмешательства, становится основой государственно-правового регулирования.

Значимым источником изменения права современного гражданского общества также является усложнение системы функций государства.

По мере того, как, с одной стороны, усложняется система социальных отношений и, с другой стороны, в условиях государственления общественной жизни возрастает управленческая роль государства, система функций государства становится все более объемной и содержательно многообразной.

Обеспечение эффективной реализации функций государства требует приложения все больших усилий, и государство, оказываясь неспособным реализовывать все существующие у него функции одинаково эффективно, делегирует часть своих полномочий негосударственным ассоциациям и институтам, представляющим гражданское общество. То, что объем делегированных государством негосударственным субъектам полномочий постоянно увеличивается, обуславливает даже появление мнения о том, что со временем большинство свойственных государству функций будет передано гражданскому обществу⁶.

В складывающихся условиях одни и те же негосударственные субъекты фактически участвуют и в воспроизводстве права гражданского общества, и в осуществлении делегированного правотворчества от имени государства. Возникают условия для переплетения права гражданского общества с правом государства при сохраняющейся оппозици-

онности отношений между гражданским обществом и государством.

Еще один значимый источник изменения права современного гражданского общества — глобализация.

Интеграционные процессы, характерные для различных сфер общественной жизни, обуславливают потребность в воспроизводстве норм, автономно регулирующих экономические и иные отношения между негосударственными субъектами «помимо и поверх государственных границ»⁷. Как следствие, воспроизводство права гражданского общества фактически выходит на новый уровень: становясь глобальным, гражданское общество порождает качественно новое — наднациональное — право.

На право современного гражданского общества существенное влияние оказывают происходящие в экономике структурные сдвиги.

Переход от индустриальной к сервисной экономике, рост промышленного капитала, расширение в условиях глобализации экономических связей, превращение знаний в чрезвычайно значимый фактор экономического развития, а также иные изменения в экономической жизни общества, которое, по мнению исследователей, вступило в новую, постиндустриальную стадию своего развития⁸, предопределили существенные изменения всей системы права.

Что касается непосредственно права гражданского общества, то оно, во-первых, становится более динамичным, и это обуславливается потребностью в его адаптации к постоянно меняющимся экономическим условиям с тем, чтобы успешно осуществлять функции, связанные с обеспечением и защитой интересов частных собственников. Во-вторых, изменяются формы самоорганизации субъектов экономической жизни, повышается значимость корпоративного (внутрифирменного) права как особого вида группового права.

⁷ Мальковская И.А. Многоликий Янус открытого общества. Опыт критического осмысления ликом общества в эпоху глобализации. М.: Изд-во АКИ, 2008. С. 110.

⁸ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999; Тоффлер Э. Третья волна. АСТ, 2002; Иноземцев В.А. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000; и др.

⁶ Михейкин С.В. Теоретико-правовые основы функционирования гражданского общества в условиях глобализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2013. С. 10.

К значимым источникам изменения права гражданского общества также следует отнести перестройку системы ценностей.

После Второй мировой войны в условиях быстрого экономического роста и высокой экономической безопасности происходит постепенное изменение ценностной системы большинства обществ, и на смену «материалистическим» ценностям постепенно приходят ценности «постматериальные». При этом изменения в ценностном строе общественного сознания оказываются настолько существенными, что это даже дает основание говорить о таком процессе как «становление нового менталитета у значительной части населения западных стран»⁹.

Происходящие изменения, во-первых, обуславливают изменение интересов и потребностей, значимых для человека, и, как следствие, ценностных ориентиров права гражданского общества. Во-вторых, появляются корпоративные образования новых типов и изменяются корпоративные стратегии¹⁰, что с неизбежностью влечет за собой изменения в структуре гражданского общества и, как следствие, в его праве. В-третьих, с изменением системы ценностей меняется характер требований, предъявляемых обществом государству, и, значит, тех параметров его функционирования, на приведение в соответствие с которыми государственно-властной деятельностью нацелено право гражданского общества.

Отдельно следует сказать о том, что значимым источником изменения права гражданского общества оказывается превращение идей правового государства и гражданского общества в неотъемлемые составляющие современной политико-правовой идеологии.

«Правовое государство и гражданское общество можно рассматривать как важные идеи, входящие в содержание правовой идеологии современного государства и представляющие большую ценность в рамках современной правовой системы»¹¹. Правовой характер государства или, по крайней ме-

ре, его стремление стать таковым в контексте современной политико-правовой идеологии воспринимается в качестве необходимого признака цивилизованности государства и неотъемлемого условия его признания международным сообществом. При этом презюмируется, что правовое государство может существовать только в условиях развитого, эффективно функционирующего гражданского общества, реагируя на его запросы и корректируя собственную политику с учетом его реакции. Одновременно возникает идея о том, что цивилизованное государство сотрудничает с гражданским обществом (совершенствование взаимодействия с гражданским обществом «является стратегической задачей истинно правового государства, желающего видеть в лице институтов гражданского общества своего основного союзника и партнера»¹²); создает благоприятные условия для воспроизводства и функционирования его институтов, а в случае слабости последних предпринимает усилия, направленные на обеспечение их сохранения и развития.

В силу высокой значимости идей гражданского общества и правового государства настоятельной потребностью для государства оказывается признание базовых идей и принципов, определяющих сущность права гражданского общества, и декларирование своей приверженности им — прежде всего путем закрепления их в качестве базовых принципов действующего законодательства.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в современных условиях существующие источники изменения права современного гражданского общества оказываются противоречивыми, придают названному праву разнонаправленную динамику.

Например, огосударствление общественной жизни и усложнение функций государства, обуславливающее делегирование государственно-властных полномочий негосударственным субъектам, будучи одновременно источниками развития права гражданского общества, сообщают последнему изменения, не совпадающие по вектору. Как справедливо отмечает Ю.А. Тихомиров, «огосударствление различных сфер характеризу-

та правовой системы современного общества. М.: Красная звезда, 2014. С. 88.

¹² Михейкин С.В. Теоретико-правовые основы функционирования гражданского общества в условиях глобализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2013. С. 3.

⁹ Мальковская И.А. Многоликий Янус открытого общества. Опыт критического осмысления ликом общества в эпоху глобализации. М.: Изд-во АКИ, 2008. С. 69.

¹⁰ Лига М.Б. Качество жизни и постматериалистические ценности // Ползуновский вестник. 2005. № 3. С. 227.

¹¹ Беседин А.А., Клименко А.И. Функциональные характеристики правовой идеологии как элемен-

ет один вектор развития, передача некоторых государственных дел общественным институтам — другой»¹³.

В условиях юридизации общественных отношений, когда легитимность оказывается вторичным по отношению к легальности критерием правового, возникают предпосылки для уменьшения значимости осуществляемой правом гражданского общества функции легитимации. Но в то же время в условиях государственного регулирования общественной жизни зна-

чимость названной функции права гражданского общества увеличивается.

Превращение идей правового государства и гражданского общества в неотъемлемые составляющие современной политико-правовой идеологии предполагает апеллирование права гражданского общества к традиционным ценностям западной правовой культуры как к своей аксиологической основе. Но одновременно перестройка системы ценностей в условиях вступления общества в постиндустриальную стадию развития требует переориентации права гражданского общества на защиту прежде всего «постматериальных» ценностей.

¹³ Тихомиров Ю.А. Государство. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 169–170.

Литература

1. Анисимова А.С., Афанасьев С.Ф., Байниязова З.С. и др. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики. М. : Проспект, 2016.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М. : Academia, 1999.
3. Беседин А.А., Клименко А.И. Функциональные характеристики правовой идеологии как элемента правовой системы современного общества. М. : Красная звезда, 2014.
4. Дубинина Е.Н. Причины, сущность и способы юридизации современных общественных отношений. Тула : ТППО, 2016.
5. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М. : Логос, 2000.
6. Красиков Е.А. Право гражданского общества как правовая форма выражения демократии // Закон и право. 2015. № 4.
7. Лановая Г.М. Механизм права гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3.
8. Лига М.Б. Качество жизни и постматериалистические ценности // Ползуновский вестник. 2005. № 3.
9. Малахов В.П. Правовые свойства гражданского общества // История государства и права. 2010. № 4. С. 2–13.
10. Мальковская И.А. Многоликий Янус открытого общества. Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. М. : Изд-во АКИ, 2008.
11. Михайкин С.В. Теоретико-правовые основы функционирования гражданского общества в условиях глобализации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2013.
12. Сигалов К.Е. Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3.
13. Сигалов К.Е. Легитимация как идейное объяснение власти // История государства и права. 2016. № 16. С. 33–37.
14. Сигалов К.Е. Объективные и субъективные основания легитимации государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 7. С. 8–13.
15. Сигалов К.Е. Гражданское общество и глобальные вызовы современности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 3–7.
16. Тихомиров Ю.А. Государство. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013.
17. Тоффлер Э. Третья волна. АСТ, 2002.

Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законотворчестве начала XX века

*Аронов Дмитрий Владимирович,
профессор, заведующий кафедрой истории правовых учений
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
доктор исторических наук
aronovdv@mail.ru*

*Кошелева Светлана Витальевна,
сотрудник кафедры истории правовых учений
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
claire.76@mail.ru*

*Леонова Ирина Анатольевна,
сотрудник кафедры гуманитарных дисциплин
Орловского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова
irzhik69@mail.ru*

*Шепарнева Анна Ивановна,
сотрудник кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова
chera0603@ya.ru*

В статье проводится сравнительный анализ содержания ранее не использовавшегося в отечественной историко-правовой науке либерального проекта Основного закона, подготовленного Харьковским юридическим обществом с совокупностью иных либеральных проектов. На основании результатов анализа делается вывод о тесной взаимосвязи «харьковского» проекта с «освободенческим». Сравнительный анализ проекта дает основания отнести его к числу завершённых региональных проектов, имеющих структурно-логические взаимосвязи с предшествующими и последующими проектами.

Ключевые слова: либеральные проекты Основного закона России начала XX в., российский либерализм, история конституционного права России.

Draft of the Basic Law of the Russian Empire of the Kharkov Law Society – Place and Role in the Liberal Constitutional Lawmaking in the Early XX Century

*Aronov Dmitry V.,
Professor, Head of the Department of History of Legal Doctrines
of the Orel State University named after I.S. Turgenev, Doctor of Historical Sciences*

*Kosheleva Svetlana V.,
Staff Member of the Department of History of Legal Doctrines
of the Orel State University named after I.S. Turgenev*

*Leonova Irina A.,
Staff Member of the Humanities Department of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov*

*Sheparneva Anna I.,
Staff Member of the Department of State and Legal Disciplines
of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov*

The article presents a comparative analysis of the liberal draft of the Basic law, which was not earlier used in the national historical and legal science, prepared by the Kharkov law society alongside with a set of other liberal projects. On the basis of the analysis results the conclusion of the close interrelationship between the «Kharkov» and «Osvobozhdenchesky» drafts is made up. The comparative analysis of the draft gives grounds to consider it as a completed regional draft with structural and logical relationship to earlier and following ones.

Key words: liberal drafts of the Basic law of Russia in the early twentieth century, Russian liberalism, the history of constitutional law of Russia.

Изучение опыта либерального конституционного законотворчества начала XX в., традиции которого были заложены еще в отдельных трудах современников, включает в себя как традиционный набор проектов Основного закона, в который входят «освобожденческий»¹, «муромцевский»², «герценштейновский»³ и «екатеринославский»⁴, так и сравнительно редко попадающие в сферу исследовательского внимания «гучковский»⁵ и «харьковский»⁶ проекты. В настоящее время имеется весьма солидная историография этого вопроса, показывающая, насколько разнообразными по самым различным аспектам были подходы их авторов к решению важнейших вопросов жизни социума в период выбора нового направления своего развития. Вместе с тем, как показывает опыт обращения к материалам либерального конституционного законотворчества⁷, суще-

ствуют достаточно значительные лакуны в изучении целого ряда сюжетов, связанных с попытками либеральных политиков и юристов урегулировать ряд общественных отношений, отчасти небезытересных и по прошествии уже более ста лет.

Примерами подобных сюжетов могут служить вопросы собственности, урегулирования финансовых отношений центральной и региональной власти, судебной системы и целый ряд других, не менее значимых как в исследовательском, так и в прикладном значении вопросов⁸. Их изучение, что вполне логично, должно быть основано на всей совокупности имеющихся в распоряжении современного исследователя текстов конституционных проектов, относящихся к соответствующему периоду. Опыт изучения конституционного законотворчества на всем протяжении существования либерализма в России во всем разнообразии этого общественно-политического явления, показывает наличие как целого пласта проектов, предшествующих пику в их развитии, пришедшему на годы Первой русской революции, так и материалов, связанных уже с деятельностью Временного правительства, событиями Гражданской войны, а также эмигрантским периодом в истории отечественного либерализма⁹.

- ¹ Вышел под названием «Основной государственный закон Российской Империи». См.: Освобождения союз // Словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. URL: <http://be.sci-lib.com/article075133.html>; Также существовало, но не получило распространения наименование проекта «земский»: Кокоскин Ф.Ф. Биография [Электронный ресурс]. URL: <http://ibyu.narod.ru/kokosh.html>
- ² См.: Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 384–406.
- ³ См.: Проект Основного закона Московской городской думы // Право. 1905. № 21 (29 мая). С. 1735–1746.
- ⁴ См.: Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. 29 мая (№ 21). Стб. 1746–1750.
- ⁵ См.: Проект Конституции Российской Империи с разделами: Государств. устройство, Права граждан, Народное просвещение // ГАРФ Ф. 555 (Гучков А.И.). Оп. 1. Д. 5.
- ⁶ См.: Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском Университете. 19 марта 1905 г. Харьков, 1906. С. 136–153.
- ⁷ См.: Аронов Д.В., Бухвостова Д.В. Перспективы исследования либерального конституционного законотворчества в России // История государства и права. 2008. № 20. С. 7–9; Аронов Д.В. Конституционное наследие российской либеральной правовой мысли — проблемы и перспективы использования на современном этапе становления российского конституционализма // Современ-

ное общество и право. 2013. № 1. С. 18–25; Карнишин В.Ю. Конституционализм М.П. Драгоманова в контексте общественно-политического развития Украины второй половины XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (28). С. 51–58; Мальшева О.Г. Развитие конституционных идей и зарождение парламентаризма в России. I и II Государственные думы : дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994; Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9; Пахоменко Н.Б. Из истории конституционных проектов в России. М., 2000; и др.

- ⁸ См.: Аронов Д.В., Калугин П.А., Золотухина Е.К. Реформа местного суда в либеральном законотворчестве начала XX века // История государства и права. 2014. № 9. С. 20–24.
- ⁹ См.: Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.). Мичуринск, 2011; и др.

Однако все эти многочисленные и весьма интересные для исследователя материалы относятся, даже несмотря на хронологическую близость к рассматриваемому нами периоду, к иным этапам политической истории страны, кардинально различающимся по задачам, стоящим перед либеральным политическим лагерем. Таким образом, законопроекты, относящиеся к этим группам, могут рассматриваться либо в общем ряду развития либеральной политико-правовой мысли, либо в рамках соответствующих периодов политической истории страны и общественной мысли. Исходя из указанных базовых положений, в настоящей статье предпринимается попытка определить место и роль «харьковского» проекта в общем ряду современных ему аналогичных трудов.

Анализ текста «харьковского» проекта, проведенный на основе базовых положений компаративистики, убедительно показывает его родство с «освобожденческим» проектом, выступающим донором его основных положений. Это родство более чем заметно. Из 80 статей «освобожденческого» проекта без каких-либо изменений в первоначальный вариант «харьковского» вошла 71 статья (89%), причем без изменений были использованы целые разделы. Определенная редакционная правка встречается в шести статьях (7%)¹⁰, а полностью оригинальными являются три статьи¹¹. Таким образом, 11% «освобожденческого» текста были в той или иной степени изменены. Следует также отметить, что в «муромцевский» проект четыре статьи вошли именно в «харьковской» редакции¹².

Вместе с тем было бы неправильно говорить о несамостоятельности «харьковского» проекта либеральной конституции. Сравнительный анализ текста законопроектов, проведенный в одной из наших предшествующих работ, показывает достаточную степень его оригинальности как по отношению к «освобожденческому» проекту, так и небольшое, однако вполне явно прослеживаемое влияние на базовый либеральный конституционный проект, разработанный под руководством С.А. Муромцева¹³.

Строго говоря, с формально-юридической точки зрения степень отличия «харьковского» проекта от «освобожденческого» может быть определена как невысокая. Однако использование при этом материалов заседания Харьковского юридического общества, на котором обсуждался проект, оценка качественной, а не только количественной стороны внесенных изменений, т.е. применение методологии социологического позитивизма, укрепляют нас в справедливости вывода о том, что этот проект вполне заслуживает отдельного рассмотрения.

Вместе с тем обращение к такому вопросу, как классификация либеральных проектов Основного закона начала XX в., показывает, что, хотя «харьковский» проект по формальным признакам, наряду с «екатеринославским», просто напрашивается быть зачисленным в группу т.н. «региональных» проектов, он занимает там свое особое место, по большому счету и делая существование этой группы вполне обоснованной. Во многом это определено особенностями «екатеринославского» проекта, который, о чем, собственно, пишут и его авторы, представляет собой набор предложений по отдельным вопросам, которые предлагалось включить в итоговый общелиберальный проект. Формально в нем присутствует структура, характерная для проектов Основного закона, однако по-статейный (а скорее поабзацный) анализ не оставляет сомнений в отсутствии у данного проекта какой-либо степени завершенности, а в общем и претензии на сколь-нибудь строгое структурирование.

Проект, который получил название «гучковского», хотя и относится к группе, которую можно было бы назвать группой т.н. «персональных» проектов, но он относится к ней по формальным признакам, т.к. связь его с А.И. Гучковым в основном сводится к нахождению документа в персональном фонде политика в ГАРФе. Структура проекта, а также археографические характеристики самого документа позволяют сделать вывод о том, что перед нами, судя по всему, необработанный черновой набросок с разделами разной

ституционном законотворчестве начала XX в. // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма. Орел, 2015. С. 253–258.

¹⁰ Ст. 2, 16, 19, 20, 24, 41.

¹¹ Ст. 23, 78, 80.

¹² Ст. 1, 23, 2, 19–20, 41.

¹³ См.: Аронов Д.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном кон-

степени готовности, сходный в этой части, скорее, с «екатеринославским» проектом¹⁴.

«Харьковский» же проект в контексте сопутствующего его принятию обсуждения, при всех своих особенностях выступает законченным проектом, давая нам замечательный пример провинциального (в высоком понимании российской Провинции) обращения политически активной части общества к поиску путей ненасильственного изменения базовых социально-экономических институтов, попытке комплексного правового решения важнейших социальных проблем.

Степень эффективности поиска харьковских либеральных юристов, несмотря на весьма краткое время, отведенное им на переработку «освобожденческого» проекта, также выявляется в ходе сравнительного анализа. Она также обнаруживается в ходе сравнения его с «муромцевским» проектом, воспринявшим ряд заложенных в «харьковский» текст идей. Также нельзя не отметить, что базовой мыслью практическим всех проектов Основного закона, как доведенных до степени готовности, позволяющей считать их законопроектами, так и тех, которые, по сути, являются дополнениями, предложениями, черновыми набросками, выступает парадигма мирного преобразования социально-политического строя страны. Ни в одном из проектов, а, судя по воспоминаниям участников их создания, и в ходе их обсуждения, мы не увидим попытки легитимации насильственных способов и методов преобразования социума. Вместе с тем эта тенденция не исключала различных «левых» уклонов в ходе обсуждения партийных программ, лозунгов текущих политических кампаний, работы органов коллегиального управления партийными структурами, съездов и конференций.

Достаточно частным, но, как нам представляется, вполне репрезентативным примером подобной практики может служить определение статуса монарха в соответствующих проектах¹⁵. При этом, как хорошо из-

вестно, вопрос о будущей форме государственного устройства страны был одним из тех положений партийной программы, по которым конституционно-демократическая партия предполагала возможность свободы выбора для своих членов (ограниченная монархия или демократическая республика).

Отдельно следует рассматривать «герценштейновский» проект, имеющий второе название «проект Московской городской думы». Поскольку Москва была известным центром притяжения интеллектуальных сил российского либерализма, то разработанный в этой среде проект вряд ли можно уложить в прокрустово ложе регионального проекта. Однако то внимание, которое проект уделяет развитию системы органов местного самоуправления, значительно выделяясь в этом отношении среди аналогичных разделов иных проектов, подвигает нас к его углубленному изучению в данном направлении¹⁶.

Соответственно, либеральное конституционное законодательство можно отнести к консервативному течению либеральной политико-правовой мысли. В нем нашли выражение такие системообразующие составляющие либеральной идеологии начала XX в., как модель преобразования социально-политического строя России, выбор методологии общественных преобразований, плюрализм мнений среди носителей либеральной идеологии, участвовавших в разработке базовых программных документов российского либерализма начала XX в.

Таким образом, сравнительный анализ «харьковского» либерального проекта Основного закона с иными аналогичными разработками показал, что он занимает промежуточное положение между «освобожденческим», который был использован Харьковским юридическим обществом в качестве основы для своих разработок, и «муромцевским» проектом, в котором нашел отражение ряд предлагавшихся харьковчанами нововведений. Типологически он может быть охарактеризован как заверченный региональный не персонализированный проект либерального Основного закона. Его относительная малоизвестность связана как с его промежуточной ролью в общем ряду либерального консти-

¹⁴ См.: Аронов Д.В. «Проект конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение» — из политико-правового наследия Александра Ивановича Гучкова // История государства и права. 2014. № 24. С. 49–53.

¹⁵ См.: Аронов Д.В. Статус монарха в либеральных проектах Основного закона России начала XX века // История государства и права. 2013. № 3. С. 14–17.

¹⁶ См.: Аронов Д.В. Реформа местного самоуправления в либеральных проектах Основного закона России начала XX века: опыт сравнительного изучения // История государства и права. 2014. № 12. С. 41–46.

туционного законодательства, так и сравнительно небольшими отличиями от «освобожденческого» проекта, вызванными крайне малым временем, отведенным харьковчанам стремительным развитием событий в начале XX в. Однако характер его обсуждения, идеи,

реципированные в будущее либеральное законодательство, позволяют, как мы полагаем, включить проект Харьковского юридического общества в общую совокупность оригинальных либеральных проектов Основного закона России.

Литература

1. Основной государственный закон Российской Империи / Освобождения союз // Словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. URL: <http://be.sci-lib.com/article075133.html>
2. Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. 29 мая (№ 21). Стб. 1746–1750.
3. Проект Конституции Российской Империи с разделами: Государств. устройство, Права граждан, Народное просвещение // ГАРФ Ф. 555 (Гучков Александр Иванович, член Государственного Совета, председатель III Государственной Думы (1910–1911 гг.), председатель центрального военно-промышленного комитета (1915–1917 гг.), основатель газеты «Голос Москвы», министр Временного правительства, уполномоченный общества «Красный крест», лидер партии «Союз 17 октября»). Оп. 1. Д. 5.
4. Проект Основного закона Московской городской думы // Право. 1905. № 21 (29 мая). С. 1735–1746.
5. Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 384–406.
6. Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском Университете. 19 марта 1905 г. Харьков : Типография-литография Н.В. Петрова, 1906. С. 136–153.
7. Антоненко Н.В. Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.). Мичуринск : Изд-во МичГАУ, 2011. 405 с.
8. Аронов Д.В. «Проект конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение» — из политико-правового наследия Александра Ивановича Гучкова // История государства и права. 2014. № 24. С. 49–53.
9. Аронов Д.В. Конституционное наследие российской либеральной правовой мысли — проблемы и перспективы использования на современном этапе становления российского конституционализма // Современное общество и право. 2013. № 1. С. 18–25.
10. Аронов Д.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законодательстве начала XX в. // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма : сборник материалов Всероссийской научной конференции. 1–3 октября 2015 г. Орел: Приокский государственный университет. Орел : Издательский дом «ОРЛИК», 2015. С. 253–258.
11. Аронов Д.В. Реформа местного самоуправления в либеральных проектах Основного закона России начала XX века: опыт сравнительного изучения // История государства и права. 2014. № 12. С. 41–46.
12. Аронов Д.В. Статус монарха в либеральных проектах Основного закона России начала XX века // История государства и права. 2013. № 3. С. 14–17.
13. Аронов Д.В., Бухвостова Д.В. Перспективы исследования либерального конституционного законодательства в России // История государства и права. 2008. № 20. С. 7–9.
14. Аронов Д.В., Калугин П.А., Золотухина Е.К. Реформа местного суда в либеральном законодательстве начала XX века // История государства и права. 2014. № 9. С. 20–24.
15. Карнишин В.Ю. Конституционализм М.П. Драгоманова в контексте общественно-политического развития Украины второй половины XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 4 (28). С. 51–58.
16. Малышева О.Г. Развитие конституционных идей и зарождение парламентаризма в России. I и II Государственные думы : дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.
17. Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9.
18. Пахоменко Н.Б. Из истории конституционных проектов в России. М., 2000.